

Р. о. тисл. 88^е (1,2)

ЗНАХАРЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

В. М. Савинова.

ЧАСТЬ I.

ч. 2.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи К. Крайя.

1854.

46

G

12
6

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. С. Петербургъ, 30 Де-
кабря 1853 года.

Ценсоръ Н. Пейкеръ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

FgT/75/5513

I.

СТЕПНАЯ ВЬЮГА. — ЗНАХАРЬ И ИЗБАВИТЕЛЬ. —

СИЛА ЛЬВОВИЧЬ И ЕГО СЛУГА.

Въ началѣ второй половины декабря 1773 г., въ сильно морозную ночь, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ умета, (*) раскинутаго на голой снѣжной степи, между Яикскимъ укрѣпленіемъ и рѣченкою Камышларкѣ, медленно тянулась нещегольская повозка. Экипажъ этотъ потому только имѣлъ право на названіе

(*) Мѣстное названіе постоялаго двора.

экипажа, что въ рогожкахъ, замѣнявшихъ ему кожу и стальные или мѣдныя украшенія, были прорѣзаны крошечныя отверстія, и въ нихъ сверкали заиндевѣвшія стекла. Малорослый ямщикъ, укутанный въ *ягу*, т. е. въ шубу, сшитую изъ жеребьячьихъ шкуръ, шерстью вверхъ, истомленный вѣтромъ и морозною ночью, бросивъ возжи, неосторожно дремалъ на своемъ сѣдалищѣ. Пара тощихъ и, по видимому, давно не кормленныхъ лошадокъ, едва передвигая ноги, то вязли въ снѣжныхъ сугробахъ, то по какому-то инстинкту тревожно фыркнувъ, быстро пробѣгали нѣсколько шаговъ, и снова, съ глухимъ ржаніемъ, тонули въ тѣхъ же сугробахъ... Началась пурга (мѣтель), отъ которой въ степи заблудившемуся страннику нѣтъ спасенія. И безъ того темная ночь теперь превратилась въ совершенный мракъ. Лошади, испуганныя безпрестанно стегавшимъ по гла-

замъ ихъ снѣгомъ, съ каждымъ шагомъ впередъ измѣняли направленіе, и наконецъ увязли по грудь въ глубокомъ сугробѣ. Частое и болѣзненное ржаніе ихъ, при неровномъ вздрагиваніи повозки, заставило очнуться ямщика.

Мужикъ перекрестился и въ нѣмомъ страхѣ осмотрѣлся кругомъ

— Батюшки-свѣты, Мать Пресвятая Богородица! Да неужели мы это... шляхъ потеряли? прошепталъ онъ... Экая пурга свиснула: зги божьей невидно, въ глаза словно кто плетью пріударилъ!.... Эй-вы быстроножки... казачки голубчики... ну... ну! тронись!

Но одно только фырканье подрогнувшихъ бѣгуновъ отвѣчало на свистъ бича.

— Въ — самомъ — дѣлѣ заплутались! продолжалъ ямщикъ... Вотъ тебѣ и сгинь да пропади душа христіанская не за грошъ, не за денежку.... Гдѣ, какой шляхъ теперь извѣдаешь... шагни уто-

нешь, а два раза, такъ и шапки добрые люди на завтра не увидать... Ахъ ты напасть непрошена! Дрянъ дѣло... И снова, по неизмѣнному обыкновенію, говорившій прикрикнулъ на лошадей... Встали, какъ встали... словно кто обошелъ ихъ, продолжалъ онъ, осторожно спускаясь на землю. Дѣйствительно, при первомъ его шагѣ нога глубоко ушла въ снѣгъ... Да тутъ трущоба бездонная! вскричалъ ямщикъ... Ей вы... вашеское благородіе... Слышите, баринъ... вѣдь пропали... Не вмоготу выбраться!

На этотъ тревожный возгласъ, лѣвая рогожка кибитки распахнулась, и голова молодого человѣка, обложеннаго картонками, баульчиками и шкатулками показала въ отверстіи экипажа, куда стремительно и съ визгомъ повѣяла пурга...

— Пстой! Вѣроятно первое слово относилось къ непогодѣ? Марка? продолжалъ молодой человѣкъ... скинь съ

меня очки .. Ничего не вижу... въ бровяхъ мокро , на щекахъ и въ усахъ тоже... Марка очнись!

— Ась! слышалось въ кибиткѣ.

— Невѣжа! сколько разъ тебѣ говорю, чтобы ты отвыкъ отъ этаго мужицкаго „Ась“. Спрашивай всегда : что вамъ угодно, или что прикажете...

— Что вамъ угодно, или что прикажете? отозвался тотъ же голосъ.

— Поговори съ ямщикомъ.

— О чемъ, сударь?

— Спроси... что ему надо?

— Что тебѣ надо? повторилъ Марка, высунувшись изъ повозки, всею своею немытою и сонною фигурою.

— Да въ трущобѣ, батюшка, заплутались! отвѣчалъ ямщикъ, заикаясь въ слѣдствіе холода, до костей его пронявшего.

А! заплутались... Слышите, сударь, онъ говоритъ заплутались....

— Хорошо... Посмотри, братецъ... правду ли говоритъ онъ...

— А вотъ я сейчасъ... прикажете ему на водку?

— На водку, братецъ... дай! тономъ пренебреженія отозвался молодой человѣкъ... Но...о...

На этомъ чрезвычайно вытянутымъ „но“ путешественникъ поправилъ свои очки, укутался въ шубу и нырнулъ въ повозку... Скверная погода! проворчалъ онъ... Ахъ, какъ теперь сладостно на Рейнѣ! со вздохомъ добавилъ молодой человѣкъ.

Между тѣмъ вѣрный и хлопотливый Марка, дородный вскормленецъ барской кухни, послѣдовалъ за ямщикомъ, и меньше ловкій, чѣмъ его товарищъ, по самый галстухъ ушелъ въ снѣгъ...

— Ай, Ай!... Гдѣ же это мы? со страхомъ вскричалъ онъ.

— Въ снѣгу, въ глубокомъ: хоть утонуть такъ впору? отозвался ямщикъ.

— Что же намъ дѣлать? Помоги, родной!

— Помоги? Какъ помочь-то? Почитай, что придется здѣсь ночь почевать... Ни кола, ни двора кругомъ: сугробы, да пурга... Просто наказалъ Господь, пришла болѣсть нелегкая... придется замерзнуть!

— Да, какъ же это замерзнуть? развѣ можно замерзнуть?

— На все Божеская воля! Доведется, такъ и среди лѣта окочанѣешь....

— Что говорить ямщикъ, Марко? слышалось изъ повозки.

— Замерзнуть, говорить, надо.

— Онъ лжетъ, скажи ему, чтобы погонялъ...

— Да, какъ погонять-то, когда наши некормленные одры встали, Сила Львовичъ?...

— Дуракъ, отозвался Сила Львовичъ... Не зови ты меня Силой, сколько разъ замѣчалъ я тебѣ. Называй меня дюкъ, князь, графъ, маркизъ, шевалье виконтъ... Ну, чортъ тебѣ возьми... какъ умѣешь, только не Силой... Ну, погоняй!

— Да нельзя, батюшка, Дюкъ Львовичъ, отозвался ямщикъ, крѣпко запомнившій назидательную рѣчь своего сѣдока. Нельзя! повторилъ онъ: лошадки пристали, пурга бьетъ въ глаза, смерть на носу.

— Какъ это смерть на носу? спросилъ Сила Львовичъ.

— Да такъ, что насъ ужъ занесло Виконтъ Львовичъ, съ нескрытымъ отчаяніемъ воскликнулъ Марка... Пустите хоть въ кибитку обогрѣться, жалобно добавилъ онъ.

— Эка штука... въ кибитку! И кибитку занесетъ также, какъ и насъ грѣшныхъ! замѣтилъ ямщикъ.

Этотъ откровенный, но справедливый отвѣтъ заставилъ призадуматься Силу Львовича.

— Да... вы, дураки, не читали исторіи? спросилъ онъ, съ очевиднымъ помѣшательствомъ.

— Нѣтъ-съ, не читали! въ голосъ отвѣчали ямщикъ и слуга.

— То-то... а въ исторіи есть высокіе примѣры мужества, сказалъ Сила Львовичъ, задыхаясь отъ мысли погибнуть въ снѣжныхъ сугробахъ степи. Есть высокіе примѣры, добавилъ онъ... Наши предки, или вотъ-такъ сказать... Поярковъ... Да, впрочемъ, что съ вами толковать! Садись, Марка, въ кибитку... Отсидимся въ ней до утра.

— Врядъ ли такъ, батюшка Дюкъ Петровичъ! подхватилъ ямщикъ... Занесетъ, какъ занесетъ... Не лучше ли попытать слѣду?

— Ужъ по моему глупому разумѣнію жизнь, лучше смерти! сказалъ Марка.

— Позвольте, пойду поищу шляху? сказалъ ямщикъ.

— А если не найдешь послѣ насъ, ни дороги, что-жъ мы будемъ дѣлать?

— Чтожъ — дѣлать: вѣрно на роду такъ написано... Умирать все-равно, что съ вами, что на распутье... Попытка не пытка, — спросить не бѣда!

— Иди! сказалъ Сила Львовичъ.

— Иди, братъ, иди! торопливо замѣтилъ Марко.

Только Провидѣніе могло спасти несчастныхъ странниковъ. Крупныя и сухія хлопья снѣга міриадами сверкающихъ звѣздочекъ вились въ воздухъ. Вѣтеръ со стономъ и визгомъ пробѣгалъ надъ степью; цѣлые сугробы снѣга, вздымаемые имъ, какъ волны моря взбѣгали одинъ на другой, выростая пушистою горою,

и въ этомъ крутящемся ураганѣ не возможно было разглядѣть предмета въ двухъ шагахъ. Несмотря однакоже на страшную обстановку степной ночи, ямщикъ, уже неразъ извѣдавшій подобное горе, рѣшился оставить кибитку. Мужикъ перекрестился, перепоясалъ свой ягу, и двинулся впередъ. Нѣсколько шаговъ, сдѣланныхъ имъ, вполне увѣрили бѣдняка, что дорога потеряна совершенно, ибо сугробы слѣдовали за сугробами, провалы одинъ за другимъ, а по сторонамъ исчезли знакомые курганы и сухой тощій кустарникъ, по которомъ можно было бы признать спасительный слѣдъ. Напрасно, заблудившійся, дрожа отъ страха и стужи, припадалъ къ землѣ, напрягая слухъ и зрѣніе... только одна оставленная имъ кибитка темнымъ пятномъ мелькала вдали, да иногда въ обманчивомъ завываньи вѣтра бѣдняку слышались замирающій звонъ колокольчика,

или тоскливый лай деревенскихъ псовъ.— Ямщикъ остановился. Силы его истощились, смѣлость и безпечность, свойственная въ подобныхъ обстоятельствахъ русскому человѣку, тоже. Еще разъ взглядомъ умирающаго заблудившійся окинулъ степь — и упалъ на снѣгъ... Въ эту рѣшительную минуту, какъ-будто отдаленная искра блеснула въ его глазахъ; вотъ она ближе, больше; еще другая, третья... Бѣднякъ былъ столько опытенъ, что не могъ признать эти блудящіе огни за свѣтъ догорающей лучины въ окрестномъ хуторѣ...

— Проклятые! прошепталъ онъ, голосомъ, въ которомъ слышалось рыданіе страдальца... Это волки!.. Вѣрно почуяли моихъ лошадокъ!. Эхъ, братъ Ѳомичъ, продолжалъ ямщикъ, пропадать-то все равно... Перерѣжь напоследкахъ хоть одному глотку, — легче будетъ идти на зубы другому!

Съ этими словами говорившій вытащилъ изъ-за голенища своихъ громадныхъ сапоговъ ножъ, и собравъ весь остатокъ своихъ силъ, побрелъ навстрѣчу звѣрю... Но стая волковъ, во встрѣчѣ которой не ошибся нашъ странникъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него повернула направо и съ протяжнымъ, пронзительнымъ воемъ понеслась по своему направленію...

— А что думаешь? сказалъ ямщикъ: вѣдь неровенъ часъ; кто ихъ вѣдаетъ: можетъ-быть сѣрый ударился на шляхъ, чтобы пробраться въ овчарню хутора... Ну-ко Ёомичъ, ободрись! не спускай вора съ глазу валяй за нимъ... Заведетъ, или выведетъ... Теперь чего ни напиться—все водица!

Ободрившійся путникъ уже готовъ былъ оставить свое мѣсто, какъ въ полуверстѣ отъ него раздался выстрѣлъ, съ-лѣва повторился онъ, и наконецъ, третій сверкнулъ тамъ же, гдѣ и первый...

При мгновенной вспышкѣ пороха ямщикъ успѣлъ разглядѣть, въ полуверстѣ передъ собою, повозку и направляющагося къ ней, со стороны, полнымъ галопомъ, всадника.

— Спасите, батюшки — голубчики, спасите! вскричалъ Оомичъ, бросившись по направленію къ замѣченнымъ имъ предметамъ, въ то время, какъ стая волковъ, испуганная выстрѣлами, съ визгомъ и воплемъ промчалась по степи.

При этомъ отчаянномъ воплѣ, всадникъ на минуту сдержалъ коня, и снова молодецки пригнувшись къ лукъ быстро, понесся на крикъ ямщика... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ послѣдняго, онъ спрыгнулъ съ сѣдла, и бросивъ поводья, подбѣжалъ къ Оомичу. Прежде чѣмъ успѣлъ послѣдній вздохнуть свободно, въ глазахъ его уже мелькнуло пистолетное дуло, направленное прямо въ челюсть...

— Изъ огня, да въ полымя, подумалъ ямщикъ, разглядывая костюмъ и вооруженіе незнакомца, въ которомъ нельзя было не узнать Яицкаго казака... Вѣрно попался на озарника?...

— Спаси, батюшка, заплутались! сказалъ Оомичъ, съ низкимъ поклономъ.

— А кто ты?..

— Да вѣстимо дѣло кто! Рабочій чело-
вѣкъ — ямщицкимъ дѣломъ занимаюсь...

— Кто же съ тобою заплутался?

— А Богъ ихъ-вѣдаетъ-кто!.. Какой-то господинъ... вишь ты изъ нѣмецкой земли ѣдетъ... Спаси, кормилецъ: шляхъ потеряли...

— Отъ куда же ты везешь его?

— Изъ подъ Авраамова-скита — за пятьдесятъ рублевъ взялся доставить въ Яицкій городокъ.

— Ладно, товарищъ, отозвался ко-
закъ... Шляхъ укажу; вотъ поддержи коня,
а я только перевѣдаюсь съ этой повозкой...

Навостри ухо: можетъ—быть тутъ на ножи примутъ, такъ не оплошай, помоги... Есть ли съ тобой какая оборона?..

— Да вотъ только ножъ кормилецъ!

— И то недурно... Держи коня... Я сейчасъ!

Казакъ, легкій, какъ вѣтеръ, быстрый, какъ заяцъ, перебѣжавъ два три сугроба, всталъ у повозки...

— Кто ѣдетъ? вскричалъ онъ... И слышно было какъ щелкнулъ курокъ его пистолета, поднятый на второй взводъ.

— Не видишь развѣ.. люди! откликнулся чей то голосъ... Вотъ коли хочешь деньги нажить, продолжалъ онъ, такъ укажи дорогу...

— Стой голова! вскричалъ казакъ: голосъ знакомый... Таликовъ!.. Антонъ Ѳедоровичъ—ты?

— Ага! вѣрно не всѣ кошки въ потемкахъ сѣры... Насъ и въ темной ямѣ узнаютъ... Я братъ—я Таликовъ!..

А ты. ? А ! Сенька Недорѣзъ ! Вотъ во-
время подоспѣлъ — вывези-ко товарищъ ,
изъ этой трущобы... Тебѣ тутъ каждое
лысое пятнушко такъ знакомо , что чай
десять лѣшихъ не заведутъ и не обмо-
рочатъ нашего Семена Назаровича !

— А тебя и по давно, Антонъ Фе-
доровичъ . . ты вѣдь со всѣми съ нами
не то , что пріятель , а такъ-сказать ,
побратимъ, голова : вѣдь знахарь , волкъ
тебя ѣшь ! . .

— Знахарь ! Не всяко лыко въ стро-
ку не вездѣ мое ремесло пригодно . . .
Въ степи я только и могу , что отъ
волка наговоромъ оборонится . . .

— Ой ли... такъ это ты стрѣлялъ. ?

— То есть не стрѣлялъ , а такъ-
сказать , пошепталъ , взялъ да плюнулъ
на снѣгъ, вотъ тебѣ и выстрѣлило...

— Ну... сошлись же молодцы ! одинъ
съ коза вывѣдываетъ у добрыхъ людей,
куда путь дорога ихъ , а другой , какъ

видно, рѣшето по края нальетъ водою! подумалъ ямщикъ, который въ эту минуту былъ уже такъ близокъ къ встрѣтившимся друзьямъ, что легко могъ слышать разговоръ ихъ и даже разглядѣть обоихъ незнакомцевъ. Вниманіе Оомича особенно было заинтересовано невзрачною фигурою знахаря. Это былъ чѣловѣкъ изъ самой мелкой породы... Нѣсколько горбатый, онъ, спрятанный въ нагольный тулупъ, болѣе походилъ на мокрую степную дрофу, нечаянно попавшую на козлы... Изъ-подъ высокаго, мохнатаго треуха какъ угли сверкали маленькіе глаза Антона Ѳедоровича; впалые щеки покрывались космами черныхъ, выбившихся изъ-подъ шапки и также заиндивевшихъ, какъ и короткая, острымъ клиномъ выдававшаяся борода его. Въ то время какъ казакъ, разговаривая, энергически размахивалъ руками, и каждое свое слово кончалъ или прищелки-

ваніемъ плети, или ударомъ о землю винтовки, — знахарь оставался недвижимъ, и казалось только пылающая лучина, коснувшаяся его бороды, могла заставить пошевелинуться эту узкоглазую голову. Стоявшій передъ нимъ Недорѣзь могъ бы назваться батыремъ въ сосѣднихъ степяхъ киргизовъ, и только потому слылъ за малаго *такъ себѣ* между своими, что вообще на Яикѣ не родились уроды. Стройный, живой и молодцоватый Недорѣзь даже и въ неуклюжемъ дорожномъ чапанѣ, перетянутымъ синимъ кушакомъ, казался бравымъ малымъ. Несмотря на морозъ и вьюгу, теперь уже начинавшую стихать, остроконечная киргизская шапка его слегка была надвинута на бекрень, едвали не открывая снѣгу и вѣтру полголовы казака... Правильное, румяное лицо его, покрываясь мягкимъ пухомъ волосъ на усахъ и бородѣ, выражало во взглядѣ и улыбкѣ столько отваги, са-

моувѣренности и добродушія, что. Фомичъ невольно вздохнулъ свободно, когда окончилъ свои наблюденія, сказавъ самъ себѣ:

— Нѣтъ—этотъ малой не изъ придорожныхъ коршуновъ!

Между-тѣмъ, какъ успокоившійся ямщикъ продолжалъ разглядывать незнакомцевъ друзья не кончили своей бесѣды, особенно сдѣлавшейся интересною съ той минуты, какъ знахарь съ неподдѣльною самоувѣренностью высказалъ средство, которымъ умѣлъ испугать волковъ.

— Морочишь, Антонъ Федоровичъ, отвѣчалъ на это казакъ. Отдамъ послѣдній грошъ изъ пазухи, сказалъ онъ: если у тебя за овчиной неспрятано пистолета!

— Обыщи... попытай! такъ увидишь, голубчикъ, что каждая овчинка превратится въ волосатика...

— Ой-ли?

— Изволь... возьми ! И неподвижный карло ожилъ , вострепенулся и выпрямился , подоваясь впередъ всею грудью...

Молодой казакъ съ худо-скрываемою робостію отступилъ шага на два.

— Полно, Антонъ Ѳедорычъ, ска- залъ онъ: я вѣдь такъ... пошутилъ... Вѣрю, голова ; не даромъ про тебя у насъ на Яикѣ молва идетъ, что ты всю подноготную знаешь, на всѣ руки мастеръ : изъ одно- го зайца трехъ сдѣлаешь , а ужъ пога- дать — диха бѣда : все какъ на ладонь высыпишь... Вѣрю, голова ! повторилъ ка- закъ... и крѣпко, накрѣпко радъ , что тебя теперь встрѣтилъ... Ты мнѣ нуженъ для лихой болести... Помоги ! Самъ отслу- жу чѣмъ велишь , хоть башкой , хоть карманомъ.

— Ладно , ладно , Недорѣзъ... все справимъ : указывая шляхъ до умета...

— Таликовъ , скоро-ли тронемся ? слышалось изъ повозки Голосъ выго-

ворившаго этотъ вопросъ былъ нѣженъ и мягокъ; нельзя было сомнѣваться, что Антонъ Ѳедорычъ служилъ проводникомъ женщинѣ...

— Сейчасъ! отозвался Таликовъ...
Ну, Недорѣзъ—за работу!

— Кто это съ тобой? спросилъ Недорѣзъ...

— Тс! подмигнувъ, произнесъ знахарь... Изъ Оренбурга въ городокъ везу родственника командира Симонова, громко добавилъ онъ. Заправляй дѣломъ, товарищъ!

— Мигомъ — все справлю! Обожди только малую толику: вотъ настигая васъ, тоже повстрѣчалъ горемыку... Онъ, видишь ты, до нашего города везетъ какого-то пѣмца изъ Авраамова-Скита, и также заплутался...

— Ну, ну — почему не помочь: христіанское дѣло! отозвался Таликовъ...
Эй ты! продолжалъ онъ, только теперь

замѣчая Оомича, который болѣе походилъ на снѣжную глыбу, чѣмъ на расторопнаго малаго, готоваго вострепнуться при первомъ возгласѣ Антона Федорыча... Давай коня-та пріятелю! продолжалъ Таликовъ... Поворачивайся живѣе... Вьюга перемѣжилась, да вѣдь кто ее вѣдаетъ, можетъ случиться, что и опять присвиснетъ...

— Ей, товарищъ! крикнулъ казакъ... Коня! садись позади меня: отправимся до твоей кибитки.

Послушный Оомичъ уже давно держалъ стремя, но ловкій казакъ, не пользуясь этимъ удобствомъ, безъ помощи ямщика прыгнулъ въ сѣдло и почти втащивъ Оомича на хребетъ лошади, приударилъ ее плетью, и мелкою рысью пустился до занесеннаго снѣгомъ экипажа Силы Львовича.

Черезъ полчаса кибитки съѣхались, и

предводимыя Семеномъ пустились до умета сибжною равниною...

Прежде чѣмъ наши путники, спасенные отъ вѣрной гибели молодцомъ Недорѣзомъ достигнуть постоялаго двора, мы неизбежно должны короче познакомиться съ Силою Львовичемъ и его вѣрнымъ слугою.

Въ эпоху, къ которой относится дѣйствіе моего романа, — наши русскіе дворяне, едва сбросивъ съ себя кору старины и невѣжества — завязавъ глаза и распустивъ поводья разума, офранцузивались съ охотою, какъ говорится душой и тѣломъ, до самыхъ оконечностей своихъ ногтей. Чужіе нравы, чужой языкъ, напудренное чувство, вмѣстѣ съ блестящими пряжками краковскихъ сапожковъ, плѣняли ихъ точно также, какъ розовый фракъ, маленькая ножка танцовщицы и крошечная ручка милой, на которой, то-есть на ручкѣ,

предполагался каждый пальчикъ тоньше вермишели. Вскормленцы Россіи, доморощенные дворяне — тогда, какъ всегда, какъ и нынѣ, душой и тѣломъ принадлежали своей родинѣ и образу мыслей цѣлаго общества, цѣлой Россіи; но неспокойные туристы, перекочевавшіе за грань Рейна, въ обѣтованный Парижъ — были уже не таковы. Каждый изъ этихъ любознательныхъ юношей возвращался на свою родину, какъ говоритъ преданіе — маленькимъ вольтеромъ... Эти новички незаконной породы человѣчества представляли удивительно странныхъ звѣрковъ, отъ прически до манеры взяться за вилку, или столовой ножъ... Въ нихъ проявлялась поразительная смѣсь рыцарства съ трусостью, деликатности съ грубостью. И что всего замѣчательнѣе, при этихъ молодыхъ людяхъ непремѣнно, какъ-будто бы на зло вѣку и въ укоръ личности юноши, — постоянно оставался

старый дядька, вѣчное бѣльмо господина. Богатый юноша того времени, взлѣянный на кружевныхъ пеленкахъ, потомъ на рукахъ француза, когда-то сапожника въ предмѣстіи Сити и потомъ профессора родной элоквенціи—въ Россіи—съ нимъ же вмѣстѣ отправлялся бродить по свѣту, для образованія ума и сердца... Умъ въ этой скитальческой жизни, полной мечтательныхъ встрѣчъ, славныхъ закладовъ, скачекъ въ запуски и вѣчныхъ бесѣдахъ съ прекрасными канатными плясунами, выигрывалъ немного, а сердце израсходывалось, вмѣстѣ съ кошелькомъ и здоровьемъ, то въ гостиныхъ, то за зеленымъ полемъ, подъ бойкую карту банкомета... Немногіе изъ этихъ юношей вывозили съ собою изъ-за границы образованіе, умъ и душу... да и тѣ...

Но обратимся къ Силѣ Львовичу.

Сынъ когда-то богатаго отца, Сила Львовичъ выросъ въ столицѣ, окруженный цѣлою арміею иноплеменныхъ. И Русь онъ зналъ только потому, что о ней иногда напоминалъ ему своимъ присутвіемъ оригинальный камзолъ и рыжія косички Тараса Ананьича Борсина, человека добрыхъ, честныхъ правилъ, большаго любителя разнородныхъ настоекъ и русской грамоты, въ тайны которой и былъ посвященъ имъ Силинька... Пятнадцати лѣтъ, Силинька прекрасно объяснялся съ дюжиною своихъ гувернантокъ на трехъ европейскихъ языкахъ, ловко бился съ французомъ на эспадронахъ, и къ утѣшенію почтеннаго Тараса Ананьича зналъ положительно и настоятельно, что предложный падежъ въ именахъ существительныхъ требуетъ буквы Ъ. Едва ли не на десятый день своего отрочества Силинька былъ записанъ на службу, и уже восемнадцати лѣтъ поль-

зовался чиномъ сержанта гвардіи... но за слабостію здоровья кончилъ свое служебное поприще въ этомъ неважномъ рангѣ, и напутствуемый назидательною рѣчью отца, отправился за границу, не забывъ взять съ собою Марку, который потѣшалъ барина непомѣрною глупостію. Слабоуміе послѣдняго могло бы непременно обезсмертить и Силу Львовича и его тупаго слугу, еслибы первый завѣщалъ потомству свои записки... Семь лѣтъ скитался Сила Львовичъ по бѣлому свѣту, разсуждалъ въ библіотекахъ о достоинствахъ новоизобрѣтенныхъ мундштуковъ, говорилъ въ салонахъ о книгахъ, слушалъ у своего портнаго лекціи о природѣ, и во-время годичной своей жизни въ Геттингенѣ — не рѣдко пѣвалъ дуэты съ дочерью профессора правъ... Все для Силы Львовича шло очень хорошо; онъ ни въ чемъ не встрѣчалъ неудачъ: папаша акуратно высы-

лалъ ему деньги, Марка, къ утѣшенію своего барины, поглупѣлъ до нельзя, такъ что конца его глупостямъ рѣшительно не предвидѣлось! Просилъ-ли умъ Силы Львовича пищи — пища являлась въ образѣ какого-то студента, слѣдовавшаго за Силою Львовичемъ какъ Мефистофель за Фаустомъ; жаждало-ли сердце нашего Фауста любви и ласки — онъ тотчасъ же находилъ свою Маргариту; наконецъ Силу Львовича одолѣло честолюбіе: онъ нашелъ средство утѣшиться и въ этомъ горѣ, купивъ себѣ дешевую частицу „Фэнзъ“. Словомъ, Сила Львовичъ родился въ сорочкѣ... Послѣ наивностей и промаховъ Марки ни что такъ не утѣшало теперь Силу Львовича, какъ баронство.. Но и у него, пресыщеннаго удачами и счастьемъ, бывали минуты тоскливаго припадка... Люди всегда найдутъ случай жаловаться на судьбу, а Сила Львовичъ, несмотря на

свое баронство, былъ весьма дюжинный смертный... Часто среди роскошнаго пира или въ задушевной бесѣдѣ съ друзьями или, наконецъ, при платонической мечтѣ о своей Маргаритѣ, Сила Львовичъ хмурилъ брови, закусывалъ губу, и грустно опускалъ на грудь голову... При взглядѣ на этого человѣка, веселаго, безпечнаго, и потомъ вдругъ моментально грустнаго легко можно было думать, что его душа носить какую-нибудь тяжелую, страшную тайну, которая отравляетъ всѣ радости, все довольство барона... Ничего не бывало — эту тайну для всѣхъ хорошо зналъ Марко, которому не разъ она была высказана... Именно, Сила Львовичъ, переплывая житейское море въ вѣкъ идилліи, романа и поэтическихъ бредней, крѣпко сокрушался, зачѣмъ его зовутъ Силой.

— Ну какой я Сила! Ну что это

за имя — Сила! говорилъ онъ обыкновенно, въ припадкахъ своей грусти.

— А это, сударь, рѣшился однажды отвѣтить Марко, когда они съ бариномъ прогуливались по тропинкамъ скалъ, повисшихъ надъ Невшателемъ.. это, сударь изволите видѣть, сказалъ Марка... по моему, кажется значить Силантій!...

Сила Львовичъ поблѣднѣлъ отъ досады. Скрестивъ на груди руки онъ остановился передъ лицомъ слуги, въ самой живописной позѣ, и по нѣкоторомъ молчаніи, могъ только сказать...

— Ты, братецъ, дуракъ!

— Что же-съ? отозвался слуга: имя хорошее... Не извольте сердиться; да и люди хорошіе бываютъ съ этимъ имянемъ... Вотъ примѣрно, у насъ въ деревнѣ былъ столяръ Сила... хорошій былъ столяръ.. только пропивалъ бывало что выработаетъ, а хорошій былъ...

Силой такъ и звали, ну а иногда, не прогнѣвайся.. и Силькой назовутъ.

— Замолчи! сказалъ Сила Львовичъ, продолжая взбираться на скалу...

— Баринъ, а баринъ!.. снова началъ Марка.

Сила Львовичъ молчалъ.

Баринъ, Сила Львовичъ — баринъ! продолжалъ неотвязчивый слуга.

— Ну, что тебѣ?

— Можно слово молвить?

— Говори.

— Извольте посмотриѣть... Вонъ тамъ, внизу, хозяинъ вамъ машетъ : стало-быть какое ни наестъ дѣло у него до насъ есть.

Сила Львовичъ взглянулъ подъ гору, и дѣйствительно увидѣлъ швейцарца, своего хозяина, который, отъ усталости едва переводя духъ, взбирался на скалы, размахивая руками какъ вѣтрениная мельница

— Марко, сказалъ Сила Львовичъ,—

поговори съ господиномъ Штуцеромъ.
Спроси что ему надо?

Марко былъ во всякое время готовъ исполнять приказъ своего господина, и съ послѣднимъ словомъ барона стремглавъ бросился внизъ, вполне убѣжденный, что ни онъ Штуцера, ни Штуцеръ его — никакъ не поймутъ — на случай объясненія.

Къ утѣшенію слуги и господина, объясненіе кончилось передачею посылки которая назначалась Силѣ Львовичу изъ Россіи.

— Что это у тебя въ рукахъ, Марко? спросилъ Сила Львовичъ, разсѣянно посматривая на громадный пакетъ, который Марко почтительно представилъ барину.

— Письмо, сударь.

— Да мнѣ-ли оно, посмотри?

— Вѣрно вамъ, если Штуцеръ указалъ на васъ.

— Дай сюда...

— Такъ : это мнѣ ! съ маленькимъ волненіемъ сказалъ Сила Львовичъ, разглядывая незнакомый почеркъ, которымъ, въ чрезвычайно оригинальныхъ каракуляхъ, былъ написанъ адресъ... Прочтемъ, сказалъ баронъ. Онъ сорвалъ печать и вытащилъ изъ пакета записку. При чтеніи письма Сила Львовичъ блѣднѣлъ и и измѣнялся въ лицѣ съ каждымъ словомъ, съ каждою минутою. И было отъ чего счастливому барону растеряться окончательно: нисъмо заключало въ себѣ слѣдующую печальную вѣсть :

„Милостивѣйшій мой государь и многолюбивый мой питомецъ Сила Львовичъ, съ прискорбіемъ душевнымъ и въ тоскѣ неизрѣченной долженъ повѣдать вамъ горе зѣло великое. Левъ Аркадьичъ, мой высокопочтенный благодѣтель, а вашъ батюшка, на сихъ дняхъ, скоропостижно покончилъ свое земное бытіе. Я остался

его душеприкащикомъ и изъ безсчетнаго имѣнія могъ убережь только пять тысячъ серебряныхъ рублей, кои и имѣю честь препроводить къ вамъ; остальное расхищено кредиторами... Гадательно думаю, что по сей слезной вѣсти вы оставите якшательство въ странахъ полуденныхъ и обратитесь вспять, ибо съ пресвѣтлымъ вашимъ умомъ пора уже послужить матушкѣ Россіи.

А за симъ пребыть имѣю честь вашъ когда-то нестроптивый менторъ Тарасъ Борсинъ».

Судорожный трепетъ пробѣжалъ въ крови барона по прочтеніи имъ записки. Въ глазахъ Силы Львовича темнѣло, ноги его дрожали, и бѣдняку казалось, что цѣлая лавина рухнула ему на голову, такъ сильно стучало въ его вискахъ...

— Марка... поддержи меня... я упаду! слабымъ голосомъ сказалъ Сила Львовичъ...

Марко, любившій своего господина всею любовью преданнаго и вѣрнаго слуги, немало испугался, бросившись на помощь къ барину...

— Что это съ вами, сударь? вскричалъ онъ.

— Все, кончено Марка! сказалъ Сила Львовичъ, грустно опустивъ на грудь голову... все кончено: батюшка умеръ...

— Левъ Аркадьичъ-то! вскричалъ слуга... Ахъ, царство ему небесное! Добрый былъ баринъ! заключилъ Марко, снявъ шапку и набожно перекрестившись.

— Добрый былъ, очень добрый! съ глубокимъ вздохомъ прошепталъ Сила Львовичъ. И въ эту минуту, быть-можетъ, первая слеза въ жизни выкатилась изъ глазъ барона.

Не имѣя ничего впереди, ни блистательнаго, ни положительнаго, Сила Львовичъ рѣшился разстаться съ скитальче-

скою жизнію и возвратиться въ Россію. Въ первыя минуты горя самосознаніе овладѣло еще несовсѣмъ испорченною душою молодаго человѣка. «Что же, думалъ онъ, оставляя очаровательныя окрестности Невшателя, и садясь въ почтовый дилижансъ, пожилъ я весело много лѣтъ, пора потрудиться, послужить, хоть бы наконецъ и для того, чтобы оправдать почтенную память отца». Но этотъ порывъ истиннаго сознанія скоро испарился... Сила Львовичъ прекрасно пожилъ въ Дрезденѣ, еще веселѣе провелъ послѣдніе дни своего кейфа въ Варшавѣ, и окончательно размыкалъ свой сплинъ подъ Москвою. Теперь Сила Львовичъ не мечталъ уже о скромной и мирной службѣ чиновника коллегіи; онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить въ великую истину, что тотъ кто выросъ великаномъ, сначала былъ маленькимъ... Барону непремѣнно хотѣлось блистать при Дворѣ, и по край-

ней-мѣръ начать свое поприще съ камеръ-юнкера. Но барона давно уже забыли всѣ друзья его отца, потому-что у Силы Львовича оставались послѣднія крохи... Сила Львовичъ ухватился за отрадную мысль о женитьбѣ, думая поправить свою блѣдную будущность, но и тутъ, московскія невѣсты не оцѣнили ни его видной наружности, ни его модныхъ фраговъ, ни даже послѣдствій семилѣтняго пребыванія за границей. Одни наши, что Сила Львовичъ вертопрахъ и повѣса; другія, что онъ будетъ любить болѣе лошадей, чѣмъ жену; третьи сказали, что онъ просто волтерьянецъ. Въ слѣдствіе этого баронъ нашелъ, что Москва и Петербургъ далеко отстали отъ вѣка и что здѣсь не поймутъ ни его ума, ни души, ни рѣчи... Въ эти горестныя минуты Сила Львовичъ вспомнилъ, что у него гдѣ-то на Уралѣ, въ Яицкомъ-городкѣ, проживаетъ дальній родствен-

никъ , комендантъ Симоновъ ; но какъ помнилось Силѣ Львовичу , старикъ суровый , вскормленецъ боевой службы .

— Здѣсь меня не понимаютъ и не поймутъ , однажды сказалъ самъ себѣ Сила Львовичъ... Поѣду къ дикарямъ , тамъ хоть буду жить съ пользой , буду просвѣщать ихъ темный умъ : поѣду къ Симонову... Марка ! Возьми лошадей , ѣдемъ на Яицкѣ !

Сборы были не велики , Сила Львовичъ отправился , и наканунѣ своего въѣзда въ городокъ , какъ мы видѣли , едва не погибъ въ снѣгахъ Оренбургскихъ степей...

II.

УМЕТЬ. — БАРОНЪ ВЪ НЕПРІЯТНОЙ КОМНАТѢ И ВЪ НЕПРІЯТНОМЪ РАСПОЛОЖЕНІИ ДУХА. — ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ НАВЪЗДНИКЪ. — РАЗСКАЗЪ НЕДОРѢЗА.

Мятель почти стихла, когда двѣ кибитки выбрались на торную дорогу, и только еще мелкая изморозь вилась въ воздухъ, да тотъ же степной вѣтеръ наметалъ сугробы по сторонамъ шляха. Ободренные лошади шли бодро впередъ, и скоро путники завидѣли предъ собою на холмѣ блеснувшій свѣтъ огня... Обрадованный Оомичъ приударилъ по лошадямъ, и то присвистывая, то поощряя своихъ бѣгуновъ ласковымъ словомъ, далеко оставилъ за собою передовую кибитку и добраго Недорѣза...

— Спасибо кормилецъ, награди тебя Господи! кричалъ Оомичъ опережая казака... Выбрались батюшки, выбрались,

ушли отъ непрошеной бѣды! продолжалъ онъ, давая знать тѣмъ Маркѣ и его господину о близкомъ пріютѣ... Между-тѣмъ замѣченный путниками огонекъ росъ съ каждою минутою. Наконецъ открылся ветхій сарай, замѣнявшій странникамъ степное перепутье; за нимъ на холмѣ выглянули чистыя мазанки хутора, и вотъ лай сторожевыхъ собакъ встрѣтилъ скрипъ повозки.

Несмотря на позднее время, ворота умета были растворены, и Оомичъ прямо въѣхалъ на обширный дворъ, обнесенный навѣсомъ, подъ которымъ двѣ осѣдланныя лошади жевали скудную порцію сѣна.

Заслышавъ дребезжаніе колокольчика и фырканье лошадей, хозяинъ ветхихъ хормъ, старый и кривой калмыкъ Маяклай, тотчасъ выбѣжалъ навстрѣчу пріѣзжимъ.

— А! Оомичъ!.. Давно не видать? сказалъ онъ, передавая фонарь въ руки пріѣзжаго.

— Лучше братъ долго, чѣмъ никогда! отозвался Оомичъ: было пришло ноча очень жутко!

— Э! заплутался видно?

— Да еще какъ? По уши влезъ въ снѣгъ... лошадки пристали, шляхъ занесло... Хоть ты что хочешь... Спасибо добрый человекъ помогъ, какой-то вашъ яикскій казакъ... Ну вотъ и выбрались... Принимай гостей; тамъ еще позади насъ на ночлегъ къ тебѣ ѣдутъ...

— Хорошо, хорошо!.. А ты, Оомичъ съ кѣмъ?

— Съ господами... Давай теплую коморку...

— Есть! есть...

Въ это время Марка, давно уже, по своему обыкновенію заснувшій, и снова разбужденный Силою Львовичемъ, показался изъ кибитки:.

— Ну ты что ли хозяинъ-то? спросилъ онъ, обращаясь къ Маяклаю...

— Я, господинъ, я.

— Такъ чего жъ стойшь?

— Жду господинъ, что прикажете?

— Нечего ждать... баринъ мой не любить ждать... сердится... Есть теплая комната, ну и самоваръ... А! Есть?

— Есть... пойдешъ покажу...

— Ну и хорошо... Сила Львовичъ... баринъ! есть! крикнулъ Марка... Извольте отправляться, а я вотъ выберу изъ кибитки всю вашу дрянъ, съ позволенія сказать... руки только ломаетъ эта обуза, а что проку? продолжалъ Марка, когда утомленный Сила Львовичъ молча выбрался изъ кибитки и послѣдовалъ за хозяиномъ умета.

Баронъ морщился, плевалъ и судорожно пожималъ плечами, проходя грязныя сѣни, заваленныя метлами, рогожками и кадушками. Съ ужасомъ посматривалъ Сила Львовичъ на ветхія стѣны корридора, на которыхъ выступившій

снѣгъ, при слабомъ свѣтѣ фонаря, сверкалъ миллионами разноцвѣтныхъ искръ... Молодой человекъ блѣднѣлъ при мысли встрѣтить и самый ночлегъ свой съ такими же украшеніями, съ тѣми же щелями шириною въ два пальца, при тѣхъ же объѣденныхъ временемъ метлахъ. Вотъ скрипнула передъ нимъ тяжелая дверь, и паръ, клубомъ вырвавшійся изъ жилья, густымъ и влажнымъ облакомъ накрылъ картузь и голову Силы Львовича...

— Вотъ сюда, направо пожалуйста! сказалъ калмыкъ, указывая на дверь... Вотъ ваша комната, продолжалъ онъ... Тутъ все есть, бояринъ... все... вотъ два дивана, чистой оренбургской работы, очень мягкіе... Столъ хорошій... Прикажете, принесу ковры и подушки?.. А ужъ самовара немогу; потому не могу, что его нѣтъ... Есть казанъ, хорошій казанъ, чистый, изъ Екатеринбурга... все принесу, сейчасъ принесу... и воды согрѣю...

Сила Львовичъ на всю эту длинную рѣчь, сказанную скороговоркой, отвѣчалъ только однимъ безсмысленнымъ кивкомъ головы. Оставшись одинъ, баронъ тяжело вздохнулъ, сбросилъ свою шубу, и въ нѣмой досадѣ далеко швырнулъ отъ себя свой картузъ. Силѣ Львовичу еще никогда не снилось быть въ такомъ грязномъ пріютѣ... Онъ даже не могъ себѣ разъяснить, какъ могутъ люди жить въ такихъ грязныхъ клѣткахъ и пить чай изъ какого-то екатеринбургскаго казана? Грустное молчаніе царствовало окрестъ Силы Львовича. Оплывшій огарокъ сальной свѣчи, вставленной въ желѣзный подсвѣчникъ такой странной формы, что надъ нимъ растерялась бы всякая догадка опытнаго антикварія, треща бросалъ неровный свѣтъ свой на деревянныя стѣны комнаты, вымазанной охрою; полуразрушенная печь, казалось, готова была сію минуту рухнуть къ ногамъ посѣтителя, при первомъ

его движеніи; далѣе, по стѣнѣ тянулся диванъ необозримой величины, да надъ диваномъ мотались длинныя нити паутины, приведенныя въ движеніе недавно затворенною дверью; — вотъ все, что могло занять вниманіе туриста. Сила Львовичъ умеръ бы отъ тоски и скуки, еслибы его неизмѣнный Марка не поспѣшилъ явиться въ комнату съ грузомъ картонокъ и коробочекъ всѣхъ формъ и видовъ...

— Куда? спросилъ Марка, останавливаясь на порогѣ и указывая глазами на свою ношу.

— Брось на столъ.

Марка повиновался.

— Чаю хотите, баринъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Отъ чего же? Чай хорошее дѣло... Прозябнувши, безъ чаю вредно и спать.

— Не хочу... Пей самъ... У этихъ медвѣдей, даже нѣтъ и самовара...

— Да хозяинъ говоритъ, что есть у него какой-то казанъ... Не все ли равно... Такая же посудина. Ужъ вѣрно здѣсь обычай таковъ... Прикажете, сударь?

— Отстань Марка: мнѣ грустно.

— А вотъ сударь, сейчасъ размыкаетесь...

— Чѣмъ?..

— Да къ вамъ сюда идетъ тотъ баринъ, ксторого мы обогнали, подѣзжая къ хутору... И баринъ, я вамъ доложу... Сила Львовичъ...

— Опять ты, Марка!

— То-есть, я вамъ скажу, баронъ, продолжалъ слуга, понизивъ голосъ и улыбаясь чрезвычайно загадочно... Не то чтобы баринъ, а просто выходить барышня... дѣвица...

— Что ты врешь?

— Ей-Богу съ... Своимъ ухомъ слышалъ, какъ на дворѣ, вотъ сію минуту разговаривалъ казакъ съ ея ямщикомъ...

— Глаза Силы Львовича ожили и засверкали отъ удовольствія.

— Ну, ну! сказалъ онъ... Что же они говорили?

— Просто одинъ говоритъ: ты изъ Оренбурга? А другой говоритъ: Да... везу говоритъ, племянницу коменданта, а принарядилъ ее затѣмъ молодцомъ, что самъ знаешь, теперь время бойкое, пугачевскіе головорѣзы вездѣ шнырятъ: неровенъ часъ нарвешься съ бабой—бѣды наживешь...

Марка еще не успѣлъ кончить разсказа о своемъ открытіи, какъ на порогѣ комнатки показался молодой человекъ, не высокаго роста, стройный, и до того привлекательной наружности, что при первомъ на него взглядѣ нашъ баронъ совершенно повѣрилъ словамъ своего слуги. Голубаго сукна казацкій кафтанъ охватывалъ гибкій станъ незнакомца; за ремненнымъ поясомъ виднѣлась

пара турецкихъ пистолетовъ, а длинный палашъ довершалъ его вооруженіе. Не снимая своей голубой калмыцкой шапки, опущенной бѣлою меркушкою, незнакомецъ молча поклонился Силѣ Львовичу, и расположился противъ его на диванѣ.

Знахарь, встрѣченный казакомъ въ степи, слѣдовалъ за молодымъ человекомъ, и въ почтительной позѣ остановился при входѣ въ комнату, бросивъ мгновенный, но быстрый и проницательный взглядъ на барона.

— Больше ничего не прикажите? спросилъ онъ, обращаясь къ своему господину, худо скрывавшему въ эту минуту свое смущеніе.

— Нѣтъ, тихо отвѣчалъ послѣдній.

— Завтра ѣдемъ съ зарею? спросилъ Таликовъ.

— Хорошо.

Знахарь поклонился и вышелъ. Марко послѣдовалъ за нимъ.

Общая комната умета, въ которой находились теперь Антонъ Федоровичъ и вѣрный слуга Силы Львовича, развѣ только своею неуклюжею обширностію отличалась отъ всѣхъ грязныхъ избъ постоялыхъ дворовъ, временъ минувшихъ и настоящихъ. Кривой и закопченный потолокъ ея, скатываясь къ двери, въ иныхъ мѣстахъ оскалилъ доски, которыя, вися надъ крошечными окнами, бросали уродливую тѣнь на бревенчатая стѣны... Подъ нимъ, во всю длину избы, отъ печки до главной стѣны, украшенной двумя мѣдными образами, тянулись нары — постоянное ложе ямщиковъ и самого хозяина... Среди избы, въ поставцѣ, треща и далеко расбрасывая искры, горѣла лучина, освѣщавшая громадный сосновый столъ, заваленный караваями хлѣба, чашками, тарелками и горшками. Съ палатей, въ полутѣни освѣщенія выглядывала пара любопытныхъ глазъ, вни-

мательно наблюдавшихъ знахаря и Недорѣза, который положивъ на лавку свою винтовку, не безъ корыстныхъ видовъ посматривалъ на скарбъ, покрывавшій столъ, тѣмъ болѣе, что Оомичъ успѣлъ завладѣть казаномъ щей, которыми занялся съ большою ловкостію и усердіемъ. У послѣдняго тотчасъ же явился товарищъ — нецеремонный Марка, въ то время, какъ малорослый знахарь, внимательно осмотрѣвъ избу, подсѣлъ къ своему пріятелю Недорѣзу...

— Ну, Сеня, началъ онъ: — теперь потолкуемъ на свободѣ... Повѣдай твою зазнобу и бѣду...

— Все, братъ, расскажу, Антонъ Оедорычъ, отвѣчалъ казакъ, съ полногтя ни утаю: помоги только...

— Ладно, ладно! Ну, во-первыхъ?...

— Постой, перебилъ казакъ, прежде чѣмъ перемолвимъ слово дружеское — не прихлѣбнуть ли съ морозу-то?

— Почему же... Кормленный конь два воза везетъ... А я, сказать кстати — не ухмылялся чарочкѣ съ самага Оренбурга...

— Вотъ какъ?... Ей Маяклай! Вина! Вино было подано; пріятели пожелали одинъ другому добраго здоровья, чокнулись, и бесѣда началась.

— Ну, ну Сеня — что же ты повѣдаешь? снова началъ Таликовъ... Да, во-первыхъ скажи-ко, зачѣмъ тебя въ такую неугомонную мятелицу занесло въ степь?

— Съ этой аказіи, я, голова, и хочу начать... Изволишь ты видѣть, продолжалъ казакъ, понизивъ голосъ и подозрительно осматривая присутствовавшихъ въ избѣ... Есть вѣсточка, что шайка пугачевскихъ разбойниковъ, съ измѣнникомъ Толкачевымъ, выслана подъ Яицкій городокъ... Вотъ комендантъ и наостри ухо; дескать площадъ тутъ нечего...

Отобралъ изъ насъ слугъ вѣрныхъ, да и пустилъ въ разсыпную, узнать, да поразвѣдать — далеко ли эта некормленная сволочь; велѣлъ смекнуть своимъ порядкомъ, сколько ихъ, а на случай и завести друзей въ трущобу... Погодка-то видишь: Богъ помиловалъ — четвертый день снѣжкомъ пересыпаетъ. Я ударился на степь; ужъ думаю, повстрѣчаю голубчиковъ — втяну ихъ въ такую яму, что дней пять проплутаютъ, какъ слѣпые... Съ голоду перемрутъ, перемерзнутъ, какъ мухи...

— Ай да, Сеня... молодецъ! замѣтилъ Таликовъ... Вотъ спасибо, по молодецки дѣло справляешь. Ну, ну!

— День прошелъ, два прошло, продолжалъ казакъ — ни зги Божьей не видно... всѣ тропинки замело снѣгомъ; думаю бѣда — и самъ згинешь какъ ворогъ... Конь не кормленъ, самому на зубы положить нечего... Перевалилъ я

кое-какъ къ Гниловскому-форпосту, поразвѣдалъ, выкормилъ коня у пріятеля, самъ перехватилъ, да и опять въ сѣдло... Одолѣла молодца тоска смертная. Буранъ вьетъ мелкимъ дождемъ, встрѣчный вѣтеръ съ сѣдла рветъ, ни увала (*), ни прутика, кочки да сугробы, а врага вынюхать до зла горя хочется... Думаю, только бы столкнуться — не сдобровать Толкачеву, первый свинецъ ему въ зубы... Да ужъ-было бы за что. Сказать между нами, провѣдалъ я, что этотъ варнакъ — моей крови просить...

— Вотъ на! вскричалъ Таликовъ — съ нескромною улыбкою: да ты-то товарищъ съ котораго конца—ему недругомъ доведешься?

— Э—эхъ, Антонъ Федорычъ, сказалъ Недорѣзъ: хоть ты и знахарь, а не

(*) Увалъ — холмъ.

во всякое время умомъ разумомъ раскинешь... Догадайся-ка, какая тутъ притча?...

— Смѣкаю, смѣкаю! не безъ смущенія произнесъ Антонъ Федорычъ...

— Что смѣкаешь? спросилъ Недорѣзъ, какъ бы испуганный догадкою собесѣдника.

— Ну, да, знаю, знаю! повторилъ Таликовъ, дружески ударивъ по плечу Недорѣза... все знаю... Зазноба, такъ-сказать... т. е. не то что зазноба... а ну... Знаю! повторилъ хитрецъ, поставленный въ самое затруднительное положеніе угадать то, что думалъ рассказчикъ.

Между-тѣмъ маленькіе глаза Антона Федорыча выражали столько самоувѣренности и злой насмѣшки, что Семень невольно покраснѣлъ до ушей, при мысли о сердечной тайнѣ, которою, какъ ему

казалось, совершенно завладѣлъ себе-сѣдникъ.

— Да что знаешь-то! повторилъ онъ... Объ Устиньѣ, что-ли?

— Эге! А ты думалъ какъ? Ну, продолжай — не бойсь не разболтаю.

— Эка ты наука безпардонная... все знаетъ! прошепталъ казакъ. Да, братъ Антонъ Федорычъ, продолжалъ онъ... Не хочу грѣха таить, въ дочкѣ Кузнецовой, красавицѣ писаной Устиньѣ Петровнѣ — души не слышу... Засѣла игла въ сердце, такъ изныло ретивое, что хоть руки на себя поднять...

— Что-жъ, дѣло повадное... пожалуй хоть я посватаю?...

— Развѣ только ты pomoжешь своею наукою, а то лягъ, да и закопайся — улетѣла синица въ поднебесье...

— Какъ улетѣла?

Такое дѣло налажено, что и вымолвить слово не въ пору страшно! У

Устиньи ужъ есть женихъ, да такой, что какъ филину днемъ на снигиря, такъ Недорѣзу на красавицу ужъ больше взглянуть не доведется! А сватомъ отъ этого жениха ѣдетъ Толкачевъ...

Таликовъ вздрогнулъ и приподнялся на лавкѣ.

— Что ты говоришь, Недорѣзъ! вскричалъ онъ... Неужели этотъ женихъ— антихристъ Емелька Пугачевъ?

— Онъ, братъ, Антонъ Федорычъ... Онъ, разбойникъ?

— Но, постой, Недорѣзъ! перебилъ Таликовъ... Какъ же ты, провѣдавши всю эту затѣю — не донесъ коменданту?

— Донесъ... все рассказалъ до слова, отправляясь на поискъ...

— Ну, и онъ?

— Пусть, говоритъ, попробуетъ этотъ женихъ, или свать, только показать носъ у посада, такъ мы такой пиръ справимъ новобрачнымъ, что не досчитаются головъ

съ похмѣлья... Вотъ и только. Дѣлать было нечего! Засѣдлалъ я коня, помогъ на соборную церковь, да и ударился на ловлю. Думаю, ужъ доканаю свата... Вотъ почему мнѣ такъ нужна встрѣча съ Толкачевымъ... Ладно... Проплутавши трое сутокъ въ степи, вчера утромъ, въ первую мять, я пустился опушкой рубежного бора — и какъ тутъ наѣхалъ на конную партію разбойниковъ. Въ минуту меня обскакали илецкіе измѣнники. — Откуда? Кто? Изъ нашихъ ли? Долой съ коня! Петлю ему на шею, пусть идетъ на сворѣ до городка! крикнула сотня голосовъ. Малый я не промахъ; зачѣмъ — думаю пошелъ, то и найдешь.

— Стой, говорю, товарищи. Чего тутъ плутаете: время заѣдаете только... Гдѣ Толкачевъ?

Этотъ вопросъ, сказанный наудалую,

заставилъ моихъ пріятелей спрятать свои сабли въ ржавыя ножны.

— А зачѣмъ онъ тебѣ понадобился, молодецъ? спросилъ меня одинъ изъ наѣздниковъ.

— Дѣло есть, отвѣчалъ я: приказъ везу ему отъ Чики изъ-подъ Оренбурга. Время дорого, говори, товарищи, гдѣ онъ?

— Покажи приказъ?

— Съума ты спятилъ, товарищъ... Развѣ ты тотъ, кого мнѣ надо?...

— Нѣтъ... Да кто тебя вѣдаетъ: можетъ статься, ты и недругъ какой ни на есть?

— Не вѣрь, пожалуй, а все-таки мнѣ съ тобою толковать не время... Если же, ужъ грѣхъ тебя попутаетъ—задержишь меня, такъ неровенъ часъ, пожалуй отъ бѣды не отлытаешь.

— Отъ какой бы это бѣды? вспых-

нувъ и гордо избоченясь, спросилъ ка-
закъ.

— Да ничего, такъ себѣ; только я
думаю, товарищъ, что твоя короткая
шея, не крепче веревки, сказалъ я.

— Эге, да ты изъ бойкихъ!

— Такимъ Богъ уродилъ... Ну, ска-
жешь что ли? продолжалъ я, осадивъ
коня и давая видъ, что готовъ оставить
встрѣчныхъ.

— Постой, постой! вскричалъ тотъ
же казакъ, въ то время, какъ нѣсколько
голосовъ заговорили въ мою пользу.
Что съ тобой дѣлать, продолжалъ онъ,
видна птица по полету; тебя пріятель
хоть вывороти, ты и съ изнанки, кажись,
все будешь нашимъ...

— То-то, а еще ртачишься?

— Да что тутъ время ни за что,
ни про что мыкать, вскричалъ другой изъ
всадниковъ... Отправляйся молодецъ на
хуторъ старшины Тюбетейкина; нашъ

Семень Симонычъ Толкачевъ , заѣхалъ туда слова два перемолвить съ хозяиномъ... Съ нимъ тамъ еще есть нашихъ два товарища... Знаешь хуторъ Тюбетейкина?

— Ты спроси , дружище , отвѣчалъ я: чего я не знаю въ этой степи...

— А братъ , такъ вотъ и кстати , подхватилъ первый казакъ... Укажи-ка слѣдъ къ городку; на завтра тамъ мы должны сомкнуться съ другою партіею...

— А какъ же старшина то вашъ?

— Велѣлъ поджидать себя , версты за три отъ городка , не переходя Чагана*.

— Такъ это вы заплутались выходить? спросилъ я , едва удерживая свою радость.

— Понятное дѣло! Кто-жъ бы намъ велѣлъ дрожать въ этихъ сугробахъ , не двигаясь съ мѣста....

(*) Небольшая рѣчка , которая течетъ подъ стѣнами Яикскаго укрѣпленія , нынѣ Уральска.

— Такъ, такъ! Дорога не дальная, отвѣчалъ я... Вотъ ступай же просѣкой въ разрѣзъ бора, потомъ направо, объѣдете болотныя кочки, а потомъ и луга чаганскія... Прощайте товарищи... Счастливый путь!

Съ этими словами я повернулъ коня и пошелъ на уходъ, вполне увѣренный, что молодцы, вмѣсто городка, придутъ на завтра въ такую пустошь, гдѣ шаромъ покати—не споткнется!

Версты три гналъ я моего буланчика во весь молодецкій карьеръ, и только тогда одумался, какъ до костей промерзъ подъ вьюгою. Теперь я вспомнилъ, что надо донести коменданту о моей встрѣчѣ прежде, чѣмъ перевѣдаюсь съ сватомъ. Призадумался я. Не знаю, какъ раскинуть умомъ-разумомъ, какъ поспѣть и туда и сюда... Думалъ, думалъ—взялъ да и свернулъ, къ тому же пріятелю въ Гниловскій-форпостъ. Послалъ друга съ

донесеніемъ къ коменданту, а самъ, ужъ крѣпко подъ веселую руку пустился мелкой рысцою до Тюбетейкина хутора. Время было позднее; почитай къ ночи уже добрался я до хутора. Спрашиваю — здѣсь? Нѣтъ, говорятъ, сейчасъ только на тройкѣ, въ крытой повозкѣ, выѣхалъ въ степь... Что было тутъ дѣлать... Замерзнуть или выслѣдить звѣря... Рѣшился попытать счастья: остался въ степи—да вотъ только что тебя и встрѣтилъ... Не удалось, провалъ возьми! заключилъ казакъ, съ выраженіемъ сильной досады, прищелкнувъ по рукояткѣ своей сабли, лежавшей передъ нимъ на лавкѣ. Помоги, Антонъ Федорычъ, сказалъ онъ: поучи—отецъ родной, что тутъ дѣлать?

— Ладно, ладно! отозвался Таликовъ, видимо чѣмъ-то встревоженный... Подумаю, погадаю... все сдѣлаю... Только теперь пріятель—намъ не время мѣшкать... Право! Не пуститься ли въ дорогу, а то какъ

измѣнники окружать городокъ, не одобровать намъ.

— Правду говоришь, Антонъ Федоровичъ... За ночь-то еще какъ-нибудь уйдемъ, а днемъ—недолго до грѣха...

— То-то, продолжалъ Таликовъ, взявшись за малахай; тѣмъ болѣе мнѣ не по-вадно промахнуться, самъ знаешь, какое сокровище у меня на отчетѣ... Ну собирайся, опоясывай свою желѣзную дуру, — да и въ путь...

— Постой же, Антонъ Федорычъ, возразилъ казакъ: хотъ перехватимъ маленько.

— Да малую толику, пожалуй.

И въ то время какъ друзья сѣли за столъ, Оомичъ и Марко давно уже храпѣли на нарахъ. Казалось, все смолкло и все спало въ цѣломъ уметѣ, и только въ щеляхъ двери, отдѣлявшихъ господъ отъ ихъ слугъ, блѣстѣлъ еще огонь.

III.

СИЛА ЛЬВОВИЧЪ ДѢЛАЕТЪ ВАЖНОЕ ОТКРЫТІЕ. —
БРАТЕЦЪ И СЕСТРИЦА.

Сила Львовичъ, оставленный глазъ на глазъ съ интереснымъ незнакомцемъ и увлекаемый его смущеніемъ, не могъ оторвать любопытнаго взгляда отъ хорошенькаго личика проѣзжаго. Баронъ клялся въ душѣ, что отъ Москвы до Парижа и отъ Берлина до Рима онъ не встрѣчалъ такой воплощенной красоты, клялся и въ томъ, что теперь никто въ цѣломъ мірѣ не разувѣритъ его, чтобы молчаливый собесѣдникъ его не была женщина, и олицетвореніе одной изъ тѣхъ идеально-прекрасныхъ головокъ, передъ изображеніемъ которыхъ ему случалось мечтать такъ долго и такъ часто. Въ-самомъ-дѣлѣ, было на что засмотрѣться молодому

барону, еще не совсѣмъ растратившему свои страсти и сердце... Черные глаза незнакомца, робко отвѣчая на смѣлый взглядъ Силы Львовича, сверкали такимъ чуднымъ свѣтомъ, такъ мило выглядывали изъ-подъ своихъ долгихъ рѣсницъ, что воспріимчивый Сила Львовичъ, разглядывая черный волосъ собесѣдника, выбившійся изъ-подъ бѣлой мерлушки калмыцкой шапочки, слегка надвинутой на темную бровь, не зналъ, чѣмъ любоваться въ этомъ хорошемъ личикѣ... Въ немъ все было прекрасно, все отдѣльно взятое могло служить увлекательнымъ образцомъ для художника. Хотѣлъ бы я знать, думалъ баронъ, какая романическая тайна скрывается въ этой загадкѣ, и для чего красавица промѣняла свой шолкъ, кружева и вѣеръ на молодецкій чекмень, на эту варварскую шапку и ржавый палашъ, который легко можетъ отколотить даже и драгунскія ноги? Въ

свою очередь, мнимый наѣздникъ, казалось, угадывалъ нескромныя мысли Силы Львовича, и въ совершенномъ замѣшательствѣ, вспыхнувъ яркимъ румянцемъ, судорожно перебиралъ концы своего пояса...

Самое оригинальное положеніе, продолжалъ думать баронъ: интересный сюжетъ для картины — эта комнатка съ ея грязною обстановкою и съ ея живымъ населеніемъ... Сама Діана въ казацкомъ чекменѣ, при громадномъ палашищѣ, — какъ будто бы смущенная взглядомъ плута Апполона, перваго любовника во всѣхъ драмахъ и комедіяхъ Олимпа, забываетъ свой воинственный нарядъ, и превращается въ скромную невѣсту... Ну кто повѣритъ этому палашу, что онъ не заржавѣлъ, прицѣпленный къ поясу такого храбраго витязя!

Между-тѣмъ время шло; общее молчаніе длилось по прежнему. Сила Льво-

вичъ уже выискивалъ приличнаго предлога къ завязкѣ разговора, а красивый казакъ, пользуясь задумчивостію барона, успѣлъ украдкою разглядѣть своего собесѣдника и, какъ надо полагать, его немало ободрилъ щегольской кафтанъ Силы Львовича, у котораго изъ разрѣзовъ громаднаго французскаго жилета, несмотря на дорожныя неудобства, выбивались маншеты — самыхъ чистыхъ и тонкихъ кружевъ...

Сила Львовичъ прокашлялся. Незнакомецъ вздрогнулъ, поднялъ глаза, и поправивъ подушку, на которой полулежалъ онъ, занялся внимательнымъ обзорѣніемъ ременной плетки, висѣвшей у него на поясѣ.

— Извините, осмѣлюсь васъ спросить, собравъ всю свою храбрость началъ Сила Львовичъ... вы располагаете отдохнуть здѣсь?...

— Недолго...

— Еще разъ, прошу извинить меня... этотъ вопросъ я дѣлаю потому вамъ что отъ чистаго сердца желалъ бы вы-браться изъ душевной каморки въ снѣга степи, но признаюсь... одинъ, съ моими неопытными людьми боюсь рискнуть на такой тяжелый подвигъ... вотъ еслибы съ кѣмъ-нибудь... Позвольте узнать предѣлъ вашего пути?

— Мы ѣдимъ въ Яикскій городокъ.

— Какъ-съ! Въ Яикскій городокъ, въ которомъ комендантомъ Владиміръ Петровичъ Симоновъ?...

— Да. А вы, вѣроятно, его знаете? спросилъ молодой наѣздникъ, оставляя подушку и выпрямляясь во весь свой стройный ростъ...

— Не только знаю, отвѣчалъ Сила Львовичъ, обрадованный удачнымъ ходомъ разговора, но даже могу назваться его родственникомъ, хотя не близкимъ, но все-таки родственникомъ: я ему до-

44

44

44 X 44

вожусь троюроднымъ племянникомъ по матушкѣ. Ровно годъ, какъ я тащусь къ нему съ береговъ Рейна... Такъ вотъ какъ, продолжалъ баронъ... скажите какая пріятная встрѣча: мы ѣдемъ съ вами въ одинъ и тотъ же городъ?

— И даже въ одинъ домъ.

— Возможно ли! Какъ и вы къ старому коменданту?

— Да, онъ мнѣ дядя...

— Дядя! Ну, такъ, вскричалъ баронъ, оставляя свое мѣсто: любезнѣйшій братецъ, обнимите меня... поцѣлуемтесь!

При этомъ рѣшительномъ движеніи Силы Львовича, любезнѣйшій братецъ какъ серна прыгнулъ съ мѣста и перебѣжалъ на противоположную сторону стола...

— Ахъ родной мой, да вы просто дикарь, весело продолжалъ баронъ: бѣжить отъ братскихъ объятій; ну развѣ

такъ встрѣчаются братья? Позвольте хоть вашу руку — будемте друзьями.

Дрожа всѣмъ тѣломъ и стыдливо опустивъ глаза, двоюродный братецъ протянулъ свою руку молодому человѣку, которую послѣдній сжалъ съ полнымъ восторгомъ.

— Боже мой! сказалъ онъ... да у васъ, любезнѣйшій братецъ, такая крошечная, такая миленькая ручка, что въ Парижѣ въ однѣ сутки легко бы можно было продать пять тысячъ экземпляровъ подобной вещицы... Нѣтъ, братецъ, простите меня, а я поцѣлую эту античную ручку... И галантерейный Сила Львовичъ исполнилъ быстро и неожиданно то, въ чемъ поспѣшилъ прежде извиниться...

На глазахъ двоюроднаго навернулись слезы; смущенный, онъ вырвалъ свою руку изъ рукъ барона и остановилъ на немъ взглядъ укора и оскорбленнаго самолюбія... Но эта вспышка досады, взбо-

роздившая хорошенькія брови братца, также скоро миновала, какъ и пришла... Въ минуту глаза его ожили, новый румянецъ вспыхнулъ на блѣдныхъ щекахъ, и довърчивая, добродушная улыбка обрисовала уста...

— Послушайте, сказалъ подозрительный наѣздникъ, теперь свободно подходя къ барону: если вы точно мнѣ родственникъ и честный, благородный человекъ... то будемте друзьями... Скрываться болѣе не могу, я сама предала себя — и судя по вашимъ взглядамъ, вы уже давно догадались, что я не братъ вамъ, а сестра.

— Браво! браво! вскричалъ баронъ... Пусть я умру на этомъ мѣстѣ, прежде чѣмъ хоть еще одно ласковое слово услышу отъ васъ, если я когда-нибудь предполагалъ, что у меня рядомъ съ киргизами живетъ миленькая, умная и, что всего пріятнѣе, откровенная сестри-

ца... Боже мой, Боже мой! продолжалъ разчувствовавшійся Сила Львовичъ... зачѣмъ и для чего я таскался по свѣту столько лѣтъ, зачѣмъ пережилъ столько жизней въ кругу парижанъ, когда мое блаженство было у киргизовъ... Сестрица, родная моя сестрица, сдѣлайте милость, вашу ручку!...

— Извольте, сказала дѣвушка съ обольстительною улыбкою...

— Не правда ли, продолжалъ баронъ, — вамъ вѣрно кажется, что я сумасшедшій?

— О, нѣтъ! серьезно замѣтила дѣвушка.

— Да это ничего... право ничего... Думайте обо мнѣ что хотите... Когда-нибудь я расскажу вамъ всѣ тревоженія моей жизни, и вы поймете восторгъ бѣдняка, пережившаго всѣхъ и все, для котораго вездѣ и во всемъ все мертво, и который вдругъ... Да, нѣтъ — я ужъ,

просто мнѣ кажется, начинаю, заговариваться... Ну, говорите, какъ васъ зовутъ?

— Варинька...

— Варя, Варинька, Варичка, Барбара... Ахъ, какое прекрасное имя!... Варинька, я васъ такъ и буду звать Варинькой...

— Хорошо... А скажите-ка мнѣ какъ звать васъ...

Этотъ вопросъ заморозилъ весь восторгъ молодаго человѣка. Лицо его вдругъ измѣнилось, принявъ выраженіе тоски и досады...

— Какъ меня зовутъ! сказалъ онъ — вы хотите знать, какъ?

— Да!... Что же тутъ удивительнаго?...

— Ахъ если бы это было удивительно! А то это такъ обыкновенно, имя такое мѣщанское, такое нехорошее... Меня зовутъ... Силой! какимъ-то гробовымъ голосомъ произнесъ баронъ...

Варинька разразилась громкимъ и веселымъ смѣхомъ.

— Вотъ вы и смѣстесь.... вотъ васъ и разсмѣшило это имя! почти съ досадою вскричалъ Сила Львовичъ...

— О, нѣтъ... не имя!... Право нѣтъ... Не сердитесь, добрый братецъ... Меня, скажу вамъ откровенно, разсмѣшило ваше отчаяніе, съ которымъ вы произнесли черезъ силу — Сила! Ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! тѣмъ же задушевымъ смѣхомъ отозвался Сила Львовичъ. Да я рѣшительно не вѣрю ни моему слуху, ни моему зрѣнію, продолжалъ онъ... Кто мнѣ повѣритъ, чтобы я въ степяхъ могъ встрѣтить столько веселости, наивности и свѣтской свободы, тогда какъ, право не лгу, въ нашихъ столицахъ въ настоящее время, дамы и дѣвицы все еще наровятъ жить въ теремахъ, и только изъ состраданія къ своимъ напудреннымъ шиньонамъ не закрываютъ лица фатою...

— О, да вы, любезный братец, большой льстецъ и злой насмѣшникъ...

— Ни то, ни другое, мой новый и добрый другъ. Я говорю правду, которой давно ни кому не говорилъ...

— Какая откровенность...

— Эта маленькая плата вамъ тою же монетою. Но скажите — къ чему на васъ этотъ богатырскій нарядъ?

— Этотъ нарядъ, могу сказать, спасъ меня отъ смерти, или покрайней-мѣрѣ, отъ большихъ бѣдъ.

— Возможно-ли? Вы были въ опасности...

— И въ страшной опасности...

— Говорите, говорите, ради Бога, сказалъ Сила Львовичъ, въ то время какъ взглядъ его выражалъ истинное, душевное участіе.

— Вы знаете, продолжала дѣвушка, что весь край нашъ находится теперь въ самомъ грустномъ положеніи...

— Слышалъ, слышалъ: мнѣ говорили въ Авраамовомъ-скитѣ о какомъ то бѣгломъ казакѣ Емелькѣ... какъ его... такое скверное прозвище!

— Пугачевъ...

— Такъ, кажется!

— Этотъ молодецъ, съ ватагою разбойниковъ, прошелъ по линіи, до самаго Оренбурга, завладѣлъ почти всѣми форпостами, кромѣ Яикскаго городка, и осадилъ самый Оренбургъ...

— Разбойникъ-то! вскричалъ баронъ, подпрыгнувъ на мѣстѣ: да что же это, развѣ у васъ ужъ рѣшительно не растутъ ни березы, ни осины, на чемъ бы можно было повѣсить этаго молодца...

— Вѣрно еще не пришло время; къ тому же казаки, большею частію старовѣры, многіе изъ нихъ, большіе буяны и гуляки, рады такому случаю, и пристають къ разбойнику цѣлыми толпами.

— А!.. Позвольте я васъ спрошу, сестрица; да вѣдь и насъ, кажется, нѣсколько часовъ назадъ выручилъ изъ бѣды казакъ... смотрите нѣтъ ли ужъ тутъ засады?

— О не тревожьтесь.. Это нашъ городской казакъ и вѣрный слуга дядюшкинъ...

— Ну-съ, извольте продолжать.

— Вотъ, когда дядюшка узналъ, что Оренбургъ, въ которомъ я гостила у сестры, въ опасномъ положеніи, онъ тотчасъ же рѣшился послать за мною, и для этаго дѣла выбралъ писаря Таликова, ловкаго, хитраго человѣка, на котораго вполне можно было положиться и который въ своемъ муравейникѣ слыветъ знахаремъ...

— Однако, если пугачевъ успѣлъ снять всѣ форпосты, то удержится ли нашъ дядюшка въ своемъ укрѣпленіи?

съ озабоченнымъ видомъ спросилъ Сила Львовичъ...

— Въ этомъ онъ увѣренъ... Команда у него исправная и храбрая; потому-то онъ и рѣшился взять меня домой, совершенно полагаясь на свою безопасность... Таликовъ успѣлъ добратся до Оренбурга, нѣсколько дней жилъ въ станѣ разбойниковъ, умѣлъ прикинуться ихъ вѣрнымъ товарищемъ, и какъ самъ мнѣ признался, за ворожбу и счастливое предсказаніе отъ самаго отчаяннаго вора Хлопушки получилъ полтину награды... Ночью на четвертыя сутки онъ пробрался въ городъ и явился ко мнѣ съ непремѣннымъ приказаніемъ дядюшки слѣдовать за нимъ... Понятно, что рѣшиться на этотъ подвигъ мнѣ стоило большаго труда... Между-тѣмъ Таликовъ настаивалъ и просилъ не терять счастливаго времени... и въ ту же ночь, въ этомъ костюмѣ, который мнѣ принесъ съ собою знахарь, я вышла съ нимъ изъ

города... За рѣкою гремѣла перестрѣлка... Дрожа отъ ужаса, я безъ мысли и памяти слѣдовала какими-то оврагами и темнымъ боромъ за моимъ провожатымъ, и только могла очнуться въ теплой избѣ незнакомаго хутора. Здѣсь мы провели остатокъ ночи, и къ вечеру другаго дня пустились въ дорогу... Завтра, Богъ дастъ, вмѣстѣ съ вами, порадуемъ дядюшку нашимъ пріѣздомъ...

— Дай Богъ, дай Богъ... Экое, подумаешь, время... Какой дрянной край: морозы, вьюги, разбойники, степи... Право, еслибы не вы, Варинька, я рѣшительно говорю, не остался бы здѣсь двухъ минутъ, и пожалуй, не встрѣчаясь съ дядюшкой, уѣхалъ бы назадъ...

— А теперь? спросила дѣвушка.

— А теперь, отвѣчалъ баронъ... я готовъ замерзнуть въ вашихъ степяхъ, готовъ быть зарканенымъ... но остаюсь

вашимъ рыцаремъ, и съ вами, несмотря на эту глушь, вѣрно не умру отъ скуки...

— О на счетъ этого остантесъ спокойны—мы живемъ, въ нашемъ мирномъ городкѣ весело... и еще будетъ веселѣе... вотъ скоро свадьба...

— Ваша свадьба! спросилъ Сила Львовичъ такимъ тономъ, какъ будто бы дѣло шло о чьей-либо смерти..

— Да, поздравьте меня, любезный братецъ— у меня есть женихъ...

— Послѣднія слова, сказанныя дѣвушкою, отозвались въ сердцѣ барона мгновенною нестерпимою и неразгаданною болью.

— Женихъ прошепталъ онъ... у васъ есть женихъ!

— Есть —прекрасный, милый человекъ. —

— Милый и прекрасный! снова повторилъ баронъ... Но кто же онъ?

— Нашъ гарнизонный поручикъ...

— Гарнизонный поручикъ!... Поручикъ гарнизонный вашъ женихъ... Варинька..

— Ну, да, гарнизонный поручикъ... Развѣ это такъ для васъ странно, развѣ въ столицахъ не женятся поручики?

— О!.. унасъ поручики только и женятся... это правда..

— Ну такъ что же? наивно спросила Варинька.

— Ничего... Я такъ...

— Лицо Силы Львовича было блѣдно, глаза разсѣянно блуждали по комнатѣ... Онъ нѣсколько разъ старался произнести что то, и каждый разъ кончалъ свое намѣреніе горькою улыбкою,..

— Есть женихъ... милый и прекрасный! наконецъ прошепталъ молодой человекъ... Нѣтъ, нѣтъ, Варинька, сказалъ онъ: вамъ еще рано замужъ, право рано.. Вы теперь такъ очаровательны, посмотрите на вашъ свѣжій румянецъ, оцѣните

блескъ вашихъ глазъ... Поберегите вашу красу... поберегите... Ну, что́ это — чепчикъ... ребятишки, огурцы, иногда капризъ мужа. Проза, ужасная проза!

— Ай, ай! сказала Варинька, я васъ не понимаю братецъ... я думала, что вы порадуетесь за меня, а вы...

— Вы меня не понимаете? перебилъ Сила Львовичъ... И не мудрено — вы еще меня такъ мало знаете... Радоваться... чему тутъ радоваться мнѣ, что вы выходите замужъ, за поручика, который еще быть можетъ не въ-состояніи оцѣнить васъ?..

— Неправда! неправда... онъ меня любить...

— А!

— И очень любить, любить такъ, какъ ужъ, кажется, болѣе любить невозможно...

— Послушайте, Варинька, сказалъ Сила Львовичъ... я встрѣчалъ страстныхъ

любителей шампанскаго, которые за одинъ бокаль его готовы были отдать весь океанъ съ его островами, а между-тѣмъ они любили его потому только, что оно шампанское, не зная въ немъ ни вкуса, ни достоинства...

— Что вы хотите сказать этимъ?... Ахъ, послушайте, продолжала дѣвушка, стараясь измѣнить предметъ разговора, который становился для нее тягостнымъ... Что это у васъ въ этихъ коробкахъ и сундучкахъ?...

— Въ нихъ... щетки, гребенки, гребешки, пудра... да все въ нихъ есть... даже и для васъ найдутся кой-какія вещицы, если позволите... Видите, я зналъ, что дядюшка человѣкъ семейный и запасся для дамъ: мушками, блондами, колечками... Есть между-прочимъ прекрасныя серьги, которыя не испортятъ вашего свадебнаго наряда...

— Опять о свадьбѣ... Забудемте о ней, братецъ...

— И поговоримъ... о чемъ же теперь? спросилъ Сила Львовичъ...

— Для первой встрѣчи, мнѣ, кажется, мы все переговорили съ вами. Я думаю немножко вздремнуть!... извините... отвѣчала Варинька, переходя на свой диванъ...

— До утра, сестрица!

— До завтра, братецъ...

Варинька опустила свою голову на подушку дивана и сомкнула глазки. Сила Львовичъ съ тяжелымъ вздохомъ облокотился на столъ, и утонулъ въ думѣ. Что занимало въ эти минуты воображеніе молодаго человѣка — расскажем въ свое время, а теперь снова перейдемъ въ общую избу умета.

IV.

АНТОНЪ ѲЕДОРЫЧЪ ВСЕ СДѢЛАЕТЪ. — ДВѢ ВѢДЫ. —
УЛОВКА ЗНАХАРЯ. — ВАРИНЬКА И КОНДРАТІЙ ГО-
ЛОВАНЪ. — МАРКА ПОЛЬЗУЕТСЯ УРОКАМИ ЗНАХАРЯ.

Два пріятеля, оставшіеся за ужиномъ, опорожнили *туясъ* (*) икры и чашку пельменей, не замѣчая, какъ шло счастливое время въ разговорахъ и усердныхъ пожеланіяхъ здоровья за чаркою пѣннаго. Глаза Антона Ѳедорыча начинали слипаться, и не одинъ разъ знахарь пытался подняться съ лавки, но казалось, ноги отказались на этотъ разъ служить Таликову.

— Сбрось, братъ Недорѣзъ, нагаръ съ лучины, сказалъ онъ, что-то ужъ въ глазахъ больно зелено... Вотъ такъ...

(*) Берестовый буракъ.

ай да молодецъ... Ужъ помогу тебѣ, по-
смотри помогу... Мнѣ что Емелька, —
волкъ его бѣшь — ни по чемъ!... захо-
тимъ, и его въ овцу превратимъ... Да!
а тебѣ помогу... Хочешь что-ли жениться
на Устинѣ?

— Хочу, Антонъ Федорычъ, крѣпко
хочу, отвѣчалъ Недорѣзь....

— Ну и ладно... Живите счастливо —
дѣти мои... Наживайте кису денежную,
ребятишекъ малъ-мала меньше... все бу-
детъ у тебя... Спасибо... хорошо упот-
чивалъ....

— Не взыщи, Антонъ Федорычъ,
чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ: съ низкимъ
поклономъ отвѣчалъ казакъ...

— И на маломъ не прогнѣваемся...
я не изъ такихъ загребалъ широкорман-
никовъ, такъ-сказать крючкодѣевъ... я
честной человѣкъ, а ремесло свое знаю,
а вотъ коли честный человѣкъ, не ха-

пыга, человекъ умѣренный... ну такъ выпьемъ?

— Выпьемъ, Антонъ Ѳедорычъ... выпьемъ, да потомъ и въ путь: время къ разсвѣту идетъ...

— О-хо-хо — времечко! сказалъ Таликовъ, высасывая чарку... Славное бываетъ времячко, и дурное бываетъ оно... Ну въ путь-такъ въ путь...

— Тс! постой! возразилъ казакъ... слышишь?...

— Ничего не слышу... все кажется хорошо и все безтревожно...

— Нѣтъ, братъ, это не даромъ такъ завывала хозяйская собака.

Казакъ приподнялся, и нѣсколько мгновений прислушиваясь къ едва внятно-раздававшемуся въ отдаленіи звуку, похожему на конскій топотъ, подошелъ къ окну.

— Такъ и есть... бѣду выждали мы, Антонъ Ѳедорычъ! вскричалъ онъ.

— Бѣду, какую бѣду? почти отрезвѣвъ спросилъ Таликовъ.

— Къ умету отъ бора, черезъ степь, скачетъ партія конныхъ съ значками...

— Конные со значками... Ну, Недорѣзъ, — это пугачевскіе...

— Пугачевскіе — ты угадалъ, и тѣ самые которыхъ я завелъ... выбрались окайнные!... Что намъ дѣлать?

— Теперь бы Антону Ѳедоровичу поворожить не мѣшало! отозвался насмѣшливый голосъ съ палатей, и курчавая безобразная голова незнакомца, оставивъ огромный ротъ, повисла на долгой шеѣ — у закраины наръ...

Встревоженные такимъ неожиданнымъ привѣтствіемъ, казакъ и знахарь въ первую минуту остолебнели отъ страха.

— Что — попались! продолжалъ безобразный незнакомецъ, вотъ мы васъ!... Ну же, ворожи. Антонъ Ѳедорычъ... Хотѣлось бы видѣть, какъ это ты изъ лю-

дей барановъ дѣлаешь... А ты, братъ, подъ вѣнецъ захотѣлъ... Ладно, ничего, что Недорѣзъ — съумѣютъ тебя дорѣзать... Слышь, наши близко! Ворожи, Таликовъ!... И хриплый смѣхъ покрылъ слова отвратительнаго урода.

— Проклятый, прошепталъ Недорѣзъ, хватаясь за пистолетъ... Надо извести его!...

— Попробуй! отозвалась курчавая голова — не отступая ни на вершокъ отъ принятой позы и безстрашно устремивъ оловянные глаза свои на дуло наведеннаго въ лобъ ея пистолета... Попробуй!... повторилъ уродъ... Такъ за меня изъ тебя жилы потянуть!...

— Тс... Семень! Что ты дѣлаешь? шепнулъ Таликовъ... возьмемъ его лучше живьемъ... и въ подполье!

Обрадованный этою мыслию казакъ, съ быстротою и ловкостію кошки прыгнулъ на нары и ухвативъ за глотку

врага, выждалъ помощи Таликова... Проснувшійся на шумъ Марка, по просьбѣ товарищей, завязать ротъ разбойнику, какъ они его назвали, усердною рукою вколотилъ пріятелю въ ротъ почти цѣлое полотенцо, снятое тутъ же съ гвоздя.

Между-тѣмъ конскій топогъ, звукъ оружія и крупный говоръ всадниковъ раздались уже подъ окнами умета, а врагъ барахтаясь руками и ногами, отчаянно и удачно отстаивалъ свою свободу. Наконецъ Таликову удалось связать ноги врага, и чрезъ минуту опасный свидѣтель бесѣды Недорѣза съ Антономъ Оедорычемъ былъ безъ церемоніи спущенъ громадною головою — въ подполье. Дверь мигомъ захлопнулась, и прежній порядокъ водворился въ избѣ...

— Ну, теперь что?... Думай живѣе, Антонъ Оедорычъ!...

— Теперь!... постой... Я-то еще какъ-нибудь отдѣлаюсь, а вотъ ты, грѣ-

хомъ, все дѣло испортишь... Слушай : если они тебя встрѣтятъ здѣсь , тебѣ мотаться сегодня на воротахъ...

— Что это ты ужъ такъ, выгадалъ? съ безпокойствомъ спросилъ казакъ.

— Кой прахъ!... Есть тутъ время гадать... Вотъ что, Недорѣзъ...

— Ну... ну! вскричалъ казакъ, прицѣпляя къ поясу саблю... Слышишь... стучатся въ ворота...

— Бѣги подъ навѣсы и спрячься тамъ, гдѣ-нибудь, хоть на перекладинахъ подъ крышей... Какъ только сбатуютъ они коней, уgomонятся и очистятъ дворъ, ты въ сѣдло на перваго встрѣчнаго коня и скачи въ городокъ... скажи : бѣда!...

— Знаю, знаю ! Ладно.

Съ этими словами Недорѣзъ оставилъ избу. Марко снова взобрался на нары и благополучно захрапѣлъ , не предчувствуя, въ простотѣ своего сердца, никакихъ бѣдъ.

Таликовъ, стараясь казаться какъ только можно, спокойнымъ, сѣлъ на старое мѣсто и ободрилъ себя новою чаркою. Едва Антонъ Ѳедорычъ принялся за вторую порцію ободрительнаго, какъ въ окнахъ избы показалось нѣсколько брадатыхъ лицъ... У воротъ повторился нетерпѣливый стукъ и сотня голосовъ крикнула :

— Хозяинъ! Кривой! Эй, ты... Маяклай! отвориай живѣе!... Босоногій Маяклай, узнавъ гостей по первому привѣтствію, опрометью бросился къ околицѣ. Черезъ нѣсколько минутъ дворъ наполнился полсотнею сбатованныхъ лошадей, а изба такимъ же числомъ казаковъ.

Маяклай бѣгалъ, какъ угорѣлый, поставивъ на ноги жену и ребятишекъ, которыя чрезъ десять минутъ устали скамьи и столъ пивомъ, виномъ, пельменями, кулагою и множествомъ разной стряпни, изъ чего Антонъ Ѳедоровичъ

легко могъ заключить, что дорогихъ гостей здѣсь поджидали. Уступивъ свое мѣсто обществу старшинъ, знахарь скромно перешелъ избу и расположился на полу, у дверей, за которыми тихимъ и спокойнымъ сномъ наслаждалась довѣренная его опытности Варинька.

Сначала проголодавшіеся казаки исключительно обратили свое вниманіе на разнохарактерную закуску и вино; а когда воинственные желудки наѣздниковъ и ихъ буйныя головы порядочно переполнились — то вниманіе обратилось и на Таликова...

Многіе изъ посѣтителей умета лично знали Антона Федорыча и его видное ремесло, а потому едва только одинъ изъ казаковъ замѣтилъ знахаря, какъ его имя тотчасъ же повторилось во всѣхъ углахъ.

— Ба... ба, ба! вскричалъ одинъ изъ старшихъ... Здорово, Таликовъ...

— Здравствуй, Кондрашка Голованъ! отозвался Антонъ Федорычъ...

— Да, что это ты Антоша, ласково подхватилъ другой — выбралъ же себѣ мѣсто, лавки что-ли не достало...

— Оставь его: онъ ворожить!

— О чемъ думаете, Антонъ Федорычъ? Да и какъ ваша честь сюда забралась?...

— Вѣдь, кажись ты, умная голова подъ Оренбургомъ не дальше, какъ на дняхъ промышлялъ ворожбою?

— Еще цѣлую полтину унесъ, отъ заклеяменнаго Хлопушки! съ громкимъ смѣхомъ замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ казаковъ...

— Тс! ты неразумная башка! возразилъ первый старшина... Узнаетъ Хлопушка твою обмолвку, такъ не свернешься; пожалуй доведется и пеньки понюхать... А въ-самомъ-лѣхъ, Антонъ Фе-

дорычъ , продолжалъ тотъ же старшина, какъ это ты пожаловалъ сюда?

— Также, какъ и ты...

— Да я по дѣлу...

— И я также...

— Э, да ты пріятель сего дня что то неподатливъ... Хочешь выпить — чокнемся!

— Выпить, почему не выпить... Только неси сюда, а ужъ самъ не встану...

— Изволь, изволь... Ужъ такъ и быть побалую старика сегодня.

Старшина взялъ двѣ кружки и оловянную сулею и съ комической важно-стію подошелъ къ Таликову.

— Смотрите! смотрите... раздалось у окна... кажется, чей-то конь сорвался...

— Нѣтъ! нѣтъ, это наѣздникъ! откликнулся другой... Экъ его несетъ...

— А, это ухорѣзъ Недорѣзъ! подумалъ Таликовъ, принимая отъ старши-

ны чарку, и стараясь отвлечь вниманіе казаковъ отъ бѣглеца, онъ сказалъ...

— Спасибо за чарочку, атаманы молодцы... Вотъ теперь кому что надо — всю подноготную вырою...

А нуко... испытая товарищи друга! крикнуло нѣсколько голосовъ...

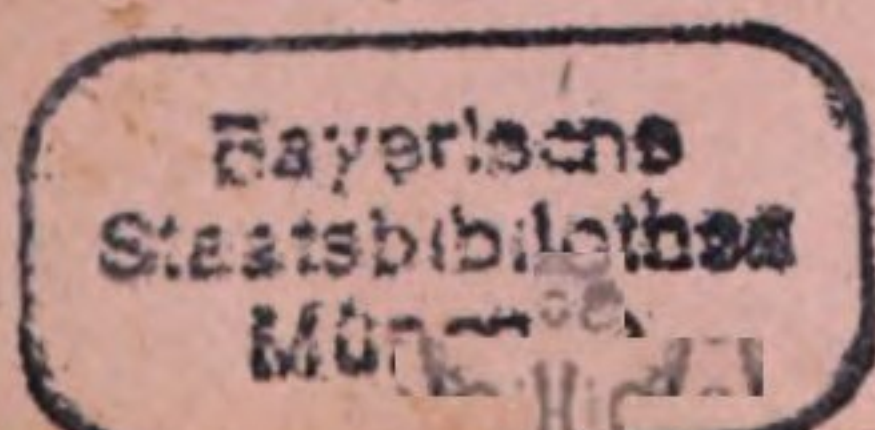
— Да, да, и впрямъ!.. отозвался старшина... Ну-ко покажи, Антоша, твою удалъ...

— Изволь, изволь! нисколько не смущаясь, отвѣчалъ плуть... Изволь-все, что угодно! сказалъ онъ...

— Хорошо... Ну, атаманы молодцы, иди сюда... Вотъ такъ... Теперь, продолжалъ старшина, когда козаки обступили знахаря... неужели ли вамъ, Антонъ Федорычъ, примѣромъ будучи... сказать... что бы такое—постой!... Да! ну... Скажи-ко, что вотъ съ нами вчера, на утренней зарѣ, какая оказія со всѣми случилась!

Козаки перемигнулись и съ насмѣш-

*

ливою улыбкою, въ нѣмомъ молчаніи, тѣснѣе сдвинули кружокъ....

— Давай эндову вина, которая побольше, смѣло сказалъ знахарь... все узнаемъ.

Громадная эндова была поставлена въ колѣни Антона Федоровича, и знахарь, сдѣлавъ прежде условіе, что эндова по окончаніи ворожбы должна быть всѣмъ обществомъ выпита, принялся за дѣло...

— Пошептавъ надъ виномъ и бросивъ въ него уголекъ, знахарь устремилъ внимательный и мрачный взглядъ на поверхность возмущенной углемъ влаги...

— Вижу, началъ Таликовъ тихимъ и мѣрнымъ голосомъ... вижу страшную вьюгу.

— Ну.. это дѣло знакомое! замѣтилъ старшина.

— Тс! тс! раздалось въ толпѣ...

Таликовъ продолжалъ:

— Мелкій боръ... у его опушки отрядъ наѣздниковъ... это вы, товарищи...

вонъ Сенька-Стягъ, Микулка Бурный, Сусликъ. . ты Кондратій Голованъ, всѣ... всѣ тутъ...

— Такъ! такъ! шептали слушатели...

— А! продолжалъ Таликовъ... воронъ пролетѣлъ надъ атаманами... нехорошо... Такъ и есть... вотъ къ вамъ скачетъ какой-то налетъ...

Казаки переглянулись.

— Шапка на немъ, говорилъ Таликовъ, остроконечная, киргизская, сѣрая цвѣтомъ... на плечахъ чепанъ, перетянутый синимъ кушакомъ, въ рукѣ татарская нагайка, винтовка за плечами... О чемъ то съ вами спорить, вы его окружили...

— Такъ! такъ! повторяли изумленные казаки...

— Вотъ онъ указываетъ вамъ дорогу... да такъ... указываетъ на просѣку къ бору, еще указалъ на лѣво! Ну! смѣется звѣрь, завелъ друзей, обманулъ, ищи его, какъ вѣтеръ въ полѣ... Пей, атама-

ны-молодцы зелье-веселое... все вамъ сказалъ! заключилъ Таликовъ.

— Фу-ты, прахъ тебя возьми! Словно кто подсказываетъ! Вѣдь вся подноготная справедливо.

— Вотъ-то и поди! Вотъ и потягайся съ нимъ, говорили казаки, опаражнивая эндову.

— Постой, ужъ потѣшь, душа Антоша! сказалъ старшина... разгадай еще что-нибудь...

— Да вотъ, примѣрно сказать, пусть укажетъ, гдѣ теперь нашъ Семень Сысоичъ...

— Кто это, Толкачевъ-то? спросилъ Таликовъ.

— Ну да. Вотъ скажи, гдѣ онъ теперь?..

— Изволь, почему не потѣшить добрыхъ людей; только извините, братцы, сегодня ужъ у меня день такой, продолжалъ хитрецъ, что я только могу на

винѣ гадать... на водѣ ни, ни!.. и думать нечего...

— Неважная бѣда, отозвался старшина, что еще эндову-что ли?

— Да и побольше, сказалъ Таликовъ...

— Ну и побольше можно.

Антону Федоровичу только того и хотѣлось, чтобы перепойть пріятелей, и тогда пользуясь ихъ оплошностію, скакать въ городокъ вмѣстѣ съ Варинькою.

Новая эндова была поставлена теперь предъ Антономъ Федоровичемъ, и тѣмъ же порядкомъ знахарь передалъ съ небольшою ложью изумленнымъ казакамъ все то, что ему пересказалъ Недорѣзъ.

Послѣ втораго прорицанія степнаго оракула и послѣ двойнаго пріема винной порціи, бóльшая половина казаковъ, истомленныхъ долгимъ скитальчествомъ въ степи, улеглась на нары, не обра-

щая никакого вниманія, ни на Марку, ни на Оомича... Теперь бродягамъ всякій встрѣчный казался своякомъ. Только нѣкоторые изъ старшихъ бодрствовали и продолжали бесѣду съ любезнымъ Антошей...

— Куда же ты теперь, Антонъ Федорычъ? спросилъ Голованъ.

— Въ Яикскій городокъ...

— Вотъ-какъ... Зачѣмъ же туда?..

— А то, какъ же... Надо же вѣдь олуховъ-то приготовить, что бы они васъ встрѣтили хлѣбомъ да солью.

— Правда, правда!.. Что жъ ты одинъ конь ѣдишь?

— Нѣтъ, въ крытой кибиткѣ... Буду не одинъ, а еще и сынишку везу съ собою...

— Сынишку? Да развѣ у тебя есть сынъ...

— Ужъ вѣрно есть, коли вмѣстѣ ѣдемъ...

— Вотъ штука! Не зналъ, не слы-
халъ я, Антонъ Ѳедорычъ, о такой ока-
зѣи, сказалъ первый старшина.

— Не слыхалъ, такъ слышишь, не
видалъ, такъ увидишь! отвѣчалъ Тали-
ковъ... Вотъ сейчасъ пойду, разбужу, да
и въ дорогу... Охъ... товарищи: ухо ро-
стетъ мальчишка...

— Право!

— И плутоватой какой, продолжалъ
знахарь... Заговори незнакомый человѣкъ
съ нимъ, словно красная дѣвка до ушей
зардѣется, а смигни немного, такими дѣ-
лами умудряется, что хоть бы и намъ,
такъ въ пору... не одной красоткѣ не
дастъ проходу, то глазамъ мигнетъ, то
щипнетъ иной разъ, а стрѣлять, на ко-
нѣ пролетѣть, кого хочешь за поясъ
заткнетъ... Да ужъ нечего сказать, и
собой взялъ... Росту не саженнаго, правда;
борода не выросла, за то глазомъ поведетъ,
или дай, или возьми рубль серебряный!

Ей-Богу... Ну, прощайте братцы... Антону пора!

Съ этимъ словомъ Таликовъ отправился разбудить Вариньку.

Свѣча, оставленная молодыми собесѣдниками на грязномъ столѣ, давно уже потухла, догорѣвъ по самый бумажный корень... Сѣрый свѣтъ ранняго утра, пробиваясь въ единственное окно комнаты, слабо освѣщаль ея ветхія стѣны, полуразрушенную печь, и Силу Львовича, заснувшаго въ томъ самомъ положеніи, какъ молодой человѣкъ предался своему тайному раздумью. Лицо Вариньки, оставшееся внѣ свѣта, прежде всего обратило на себя заботливое вниманіе Таликова. Старикъ осторожно подошелъ къ спящей дѣвушкѣ, и въ нѣмомъ созерцаніи остановился надъ хорошенькой головкой своей спутницы. Антону Ѳедоровичу жаль было тревожить тихій сонъ малютки-барышни, какъ онъ назы-

валъ ее. Однако опасенія за какую-нибудь встрѣчу новаго препятствія восторжествовали надъ умиленіемъ стараго и вѣрнаго слуги.

Тихо наклонясь къ дѣвушкѣ, онъ осторожно потянулъ ее за полу чекмена.

Варинька проснулась и, вѣроятно, упоенная какимъ-нибудь отраднымъ и пріятнымъ сновидѣніемъ, почти съ досадою спросила:

Что тебѣ, Таликовъ?

— Тс... Варвара Александровна... Ради Бога не громко... Не разбудите этого господина, знахарь указалъ на барона; если проснется, мы пропали...

— Что случилось, Таликовъ? съ испугомъ спросила дѣвушка.

— Пока еще ничего нѣтъ худаго... а можетъ случиться... Цѣлый уметъ полонъ пугачевскими наѣздниками...

— Возможно ли!..

— Не пугайтесь... Надо пользоваться временем... Мы еще можемъ уйти... Ободритесь и пойдете.

— Какъ! однѣ.. ты да я?

— А вы бы еще съ кѣмъ желали раздѣлить это удовольствіе, малютка-барышня? спросилъ старикъ, болѣе со страхомъ нежели съ ироніею; опасаясь какого-нибудь каприза со стороны Вариньки.

— Но помилуй, Антонъ Федорычъ, возразила послѣдняя... благородно ли и честно ли оставить этого бѣднаго...

— Богъ съ нимъ... Варвара Александровна... Только бы своя голова на плечахъ вертѣлась: теперь не до другихъ..

— Нѣтъ, нѣтъ! безъ него я нейду...

— Что вы говорите... Да что онъ вамъ, свать, отецъ, или братъ...

— Братъ...

— Перестаньте, малютка-барышня...

не время шалить... Надѣвайте вашу шапочку, пригладьте волоски, да и...

— Я не шучу, Таликовъ... Этотъ господинъ братъ мой; онъ также ѣдетъ къ дядюшкѣ, онъ его племянникъ...

— Господи Боже мой... просто голову теряю... Да что же мнѣ дѣлать, если это правда?...

— Ужъ какъ знаешь...

— Матушка, малютка-барышня... Нельзя съ нимъ... Вотъ вамъ клянусь! нельзя съ нимъ... Ну посмотрите, что на немъ надѣто... Вѣдь только покажись онъ, такъ на его блески, какъ куры на ячмень, всѣ бросятся... и мы тогда пропали...

— Такъ онъ долженъ погибнуть, или, по-крайней-мѣрѣ, ждать, чтобы его ограбили?

— Ну еще, если послѣднее, не бѣда, малютка-барышня: голова дороже этихъ коробокъ съ побрякушками... Да ужъ

бульте увѣрены, не пропадетъ онъ... Недорѣзъ поскакалъ въ городокъ; вѣрно не сей-часъ, такъ къ полдню здѣсь будутъ наши казаки со старшиною Мостовщиковымъ... Послушайте старика, Варвара Александровна... собирайтесь скорѣй... право заѣдаемъ время... Чего вы за него боитесь? онъ мужчина, отгрызется, а вотъ мы-то съ вами какъ?... Идите! идите! добавилъ Таликовъ, почти насильно увлекая за собою дѣвушку...

Варинька бросила прощальный взглядъ тоски и состраданія на Силу Львовича, оставленнаго въ жертву насилія и дерзости, и принявъ бодрый видъ наѣздника, вышла за своимъ расторопнымъ рындою. Едва только свѣженькое личико мнимаго удалца показалось на порогѣ, какъ еще неусыновленные сномъ старшины съ распростертыми объятіями кинулись навстрѣчу Вариньки...

— Ахъ ты, макъ цвѣтной! вскричалъ первый старшина... Смотри пожалуйста, да его хоть сейчасъ въ сарафанъ — любое сердце насквозь пронизетъ...

— Ну, Антоша, наградишь Господь сокровищемъ!

— И смотри пожалуйста, словно невѣста и глазки въ землю... Ахъ ты пострѣлъ, трава-разрывъ сердца дѣвичьяго...

— А небось, говорятъ, подхватилъ другой, въ праздникъ на посадѣ отъ тебя, молодецъ, дѣвчата и крапивой не отдѣлаются...

— Что, Сенька! сказалъ Таликовъ... попался! Вишь всѣ продѣлки твои знаютъ... То-то, ты смотри у меня!...

— Да, да! Закажи ему, Антоша, проѣдать съ красавицами послѣдній грошъ на пряники... Ахъ ты, яблочко спѣлое, продолжалъ Голованъ... Да, просто на-

глядѣться не могу на тебя... Поцѣлуй ты меня, безбородая краса...

И Голованъ уже вытянулъ впередъ свои костлявые пальцы и толстыя губы... Но въ это минуту Варинька, ободренная легкимъ толчкомъ Таликова, съ веселымъ смѣхомъ оттолкнула стараго старшину и бросилась за дверь...

— Ахъ озарникъ! Экой приткой козленокъ? проворчалъ сконфуженный, но неразсерженный Голованъ, возвращаясь на свое мѣсто... Прощай, братъ Таликовъ... прощай! продолжалъ онъ.... Иди, заправляй своимъ дѣломъ.

Антонъ Ѳедорычъ былъ очень радъ такой милости, и въ ту же минуту оставилъ избу, а чрезъ четверть часа его кибитка рысью промчалась подъ окнами умета.

Между-тѣмъ Ѳомичъ и Марка давно уже проснулись, и молча оставались долгое время свидѣтелями казацкаго пира

и всѣхъ продѣлокъ Антоши. Теперь, узнавъ, съ кѣмъ ему доводилось имѣть дѣло, вѣрный слуга Силы Львовича крѣпко боялся за себя и своего барина, особенно за свою личность, которая участвовала въ арестѣ курчавой головы. Надо было на что-нибудь рѣшиться. Сначала баронскій слуга думалъ, что можетъ уѣхать изъ умета незамѣченнымъ, выждавъ той минуты, когда старшины, одурѣвшіе отъ хмѣля, уснутъ; но эти молодцы, какъ видно, владѣли крѣпкими головами, и продолжали свою бесѣду. Марка видѣлъ, что уже немного остается времени до барскаго просонья и что Сила Львовичъ, непредубѣжденный, быть можетъ, въ угрожавшей ему опасности, невольно самъ дастся въ руки нахальныхъ и буйныхъ казаковъ... Напрягая все свое тупоуміе, всю свою догадку, дуракъ съ виду, Марка рѣшился подняться на хитрость, которая ему вполнѣ

удалась... Главною его цѣлію было оправдать себя въ насиліи, съ которымъ былъ связанъ и спрятанъ въ подполье его большоголовый сосѣдъ по ночлегу. Съ этою цѣлью онъ перегнулся съ палатей и какъ бы встревоженный чѣмъ-то, обратился съ вопросомъ къ пирующимъ казакамъ:

— Братцы, а братцы! сказалъ онъ.

Казаки оглянулись и съ изумленіемъ остановили взглядъ на дерзкомъ, который своимъ вопросомъ осмѣлился нарушить ихъ бесѣду.

— Это что за рожа? сказалъ Голованъ... Эй ты... Долой съ наръ! Поди сюда! Что ты за человѣкъ?

— Ну ужъ не пойду, пріятель, отозвался Марка... Ты вотъ прежде скажи: ушелъ знахарь, или нѣтъ?

— Не въ знахарѣ дѣло: иди если приказано.

— Не пойду... Ты вотъ скажи : здѣсь знахарь? Боюсь, голова: онъ тутъ, на моихъ глазахъ, такую штуку устряпалъ, что просто страхъ... Да еще кажись съ вашимъ пріятелемъ...

— Съ какимъ пріятелемъ? спросилъ изумленный Голованъ.

— А вотъ такой некрасивый, голова какъ котель... курчавая такая...

— А, да это онъ говоритъ про нашего кашевара, который дня два назадъ былъ посланъ сюда, замѣтилъ Семень Стягъ.

— Ужъ не знаю, кашеваръ ли онъ, или кто другой ни-на есть... Только ему жутко пришлось...

— Въ-самомъ-дѣлѣ. . А ну-ко, что же онъ съ нимъ сдѣлалъ?

— Скажу, только скажи и ты, здѣсь ли знахарь?

— Нѣтъ, нѣтъ! отозвались казаки, теряя терпѣніе въ разговоръ съ Маркой.

— Ну, коли нѣтъ, такъ я теперь могу распоясать языкъ... Вотъ какъ все это приключилось... Изволишь ты видѣть... знахарь сидѣлъ вотъ такъ, какъ твоя милость изволить сидѣть, а большая голова торчала вотъ здѣсь, словно какъ и моя торчитъ... Вотъ, сударь ты мой, большая голова смотреть, прищурится, да зубы и оскалить. Наконецъ, не выдержалъ знахарь, осерчалъ: слышь ты, говоритъ, пивной котелъ, чему ухмыляешься? — На тебя, говоритъ родимый, вишь ты ни дать ни взять, паукъ въ тулупѣ, а пьешь, голубчикъ, какъ лошадь... скажи пожалуй, въ какомъ огородѣ родится такая мелкая крапива?

— Ну, ну! вскричалъ Голованъ, заинтересованный вялымъ рассказомъ Марки.

— Ну, вотъ мы ждемъ, что будетъ, думаемъ, ужъ если этотъ невзрачный сверчокъ въ-самомъ-дѣлѣ знахарь, то

не сдобровать большой головѣ, будетъ въ котлѣ трещина... Такъ, сударь-ты мой, и случилось... Ощетинился знахарь, съежился, распустилъ зеньки, сверкнулъ бѣльмами какъ углемъ, выпрямился... глядимъ... растетъ... растетъ — вонъ сейчасъ потолокъ маковкой достанетъ... А большакъ ухмыляется: видно, что бывалый!

— Эге! промычалъ второй старшина... Я не изъ трусовъ, а право не желалъ-бы видѣть, какъ растутъ не по днямъ, а по минутамъ, побратимы того: о которомъ бабушка мнѣ зарокъ дала вспоминать на сонъ грядущій... Продолжай, товарищъ, если только все это тебѣ не въ просоньи пригрѣзилось!

— Чего съ просонья! отозвался Марка, когда меня хоть сію минуту выжми, такой потъ прошибъ отъ страха... Вотъ выпрямился знахарь, самъ улыбнулся, снова съежился и сѣлъ на старое

мѣсто... «Не хочу, говоритъ, Бога гнѣвить, грѣхъ брать на душу, а то бы — не сходя съ мѣста — всего бы тебя въ пустой орѣхъ спряталъ!» Не сробѣлъ и тутъ большакъ, знай себѣ ухмыляется.

— Послушай, сказалъ знахарь, принимаясь опять за чарку: отстань, большеголовый; право-слово худо будетъ!..

— Будетъ худо, да не мнѣ, а вашей милости... запру въ кулакъ, не вздохнешь, не укусишь!

— А если я изъ твоей пятерни метлу сдѣлаю?

— Тѣмъ лучше... прямо за порогъ тебя, какъ табачныя обмолки, и вымету!

— Хвастливъ ты, длинный, отозвался знахарь, да разумъ-то у тебя — бабій волосъ... Угомонись, коли еще разъ дарю тебя своею милостію...

— Тутъ, изволишь ты видѣть, и подвернись великану подъ руку его шапка...

Не задумался онъ, да какъ швырнетъ ее въ голову пріятелю такъ и накрылъ его...

— Ай браво! Вотъ молодецъ вскричалъ Голованъ...

— Молодечество-то молодечествомъ, замѣтилъ Марка, а резону-то и не вышло...

— Ой ли? Что-жъ бы такое?

— Да ничего больше, какъ въ ту же минуту чей-то поясъ накрылъ озорника, — скрутилъ его по рукамъ и ногамъ...

— Какъ! возразилъ Голованъ, съ видимымъ участіемъ и досадой... Ну и потомъ?...

— Потомъ просто-за-просто само открылось подполье, и большая голова прямо головой въ него юркнула! Вотъ тебѣ и знай нашихъ!

— Ахъ, чортъ возьми! ударивъ по

саблѣ — и почти отрезвѣвъ сказалъ второй старшина... Неужели это правда?

— Самъ посмотри...

— Въ подпольѣ, говоришь ты? спросилъ Голованъ, не менѣе озадаченный рассказомъ Марки, какъ и его товарищъ... въ которомъ же подпольѣ?...

— А вонъ, на дверцахъ котораго осталась ваша пустая эндова.

Старшины переглянулись, разбудили двухъ товарищей, въ короткихъ словахъ объяснили имъ рассказъ Марки, и отправились въ подполье.

— Ёмичъ, не зѣвай.. За дѣло товарищъ, иначе быть бычку на веревочкѣ и пить молочко изъ подойничка... сказалъ Марка — оставляя нары.

— Что ты хочешь дѣлать? шопотомъ спросилъ трусливый и встревоженный Ёмичъ.

— А вотъ братъ, тоже хочу поворожить! Съ этими словами — вѣрный

слуга Силы Львовича захлопнулъ дверь подполья, и такъ крѣпко задвинулъ запоръ, что безъ посторонней помощи старшины со своимъ очарованнымъ кашеваромъ не могли уже выглянуть на свѣтъ Божій.

— Мы пропали! прошепталъ въ отчаяніи ямщикъ, со страхомъ озираясь кругомъ...

— Теперь-то мы и спасены! Не теряй время... Бѣги подъ навѣсы, брось твою кибитку и бери перваго коня, если еще душа не просится вонъ изъ тѣла; мы за тобой слѣдомъ — вотъ только разбужу барина...

Оомичъ болѣе не разсуждалъ, и вполне понимая свою опасность, въ ту же минуту оставилъ уметъ.

V.

СИЛА ЛЬВОВИЧЪ ИСПЫТЫВАЕТЪ МНОЖЕСТВО БѢД-
СТВІЙ. — МАРКА ЗАНИМАЕТСЯ РЕМЕСЛОМЪ ТАЛИ-
КОВА. — НОВАЯ БѢДА И НОВОЕ ЗВАНІЕ.

Въ то время, какъ Марка съ такимъ молодецкимъ тактомъ опытнаго плута туманилъ довѣрчивыхъ и суевѣрныхъ казаковъ, баринъ его, полный обаятельныхъ грезъ, уснѣлъ уже проснуться.

Сила Львовичъ, на этотъ разъ, заснулъ подъ вліяніемъ очаровательной дѣйствительности и самой восторженной мечты... Когда Варинька перешла на противоположный диванъ и спрятала свою головку въ подушку, задремавъ въ ту же минуту, баронъ долго не могъ оторвать отъ этой головки своего страстнаго и нѣжнаго взгляда. Силѣ Львовичу казалось, что онъ только съ этихъ минутъ ощутилъ и понялъ блаженство жизни. Ми-

нувшее его воскресло теперь передъ нимъ въ какихъ-то темныхъ грустныхъ картинахъ, не оставившихъ по себѣ въ душѣ барона ни одного отраднаго воспомина- нія, ни одной встрѣчи, надъ которыми нерѣдко съ тихою грустью задумывается и отжившая старость. У Силы Львовича, можно сказать, не было сердечнаго про- шлаго. Его прошедшее наполнилось пе- чальною матерьяльностью; бездушное, незатронувшее молодаго чувства, оно казалось барону только что прослушан- нымъ сухимъ, безжизненнымъ и вялымъ рассказомъ, повѣстью, въ которой лица блѣдны, обстоятельства не естественны, призрачны и натянуты до нельзя. От- чего-же это, думалъ Сила Львовичъ, только въ тридцать лѣтъ моей жизни я въ первый разъ повѣрилъ безпристрастно свое минувшее, и созналъ его откро- венно, и осудилъ его не возвращаться болѣе ни къ моей памяти, ни къ встре-

воженному сердцу... Помню, что старикъ Бурсинъ говаривалъ мнѣ иногда, что все познается чрезъ сравненіе... Гдѣ же, какое тутъ сравненіе, какъ-будто мое настоящее — вдругъ превратило меня изъ чурбана въ аркадскаго пастушка? спросилъ самъ себя Сила Львовичъ — и при этомъ вопросѣ какъ-будто кто ущипнулъ за ухо барона: онъ покраснѣлъ до ушей, и взглянувъ на спящую сосѣдку невольно прошепталъ: испорченное сердце, неблагодарный человѣкъ, и здѣсь не можешь быть откровеннымъ!

Въ-самомъ-дѣлѣ, израсходованное на мелочи баронское сердце теперь сильно ощущало въ себѣ зародышъ той лихорадочной и вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельной боли, какою ему еще никогда не доставалось болѣть... Надо быть самымъ прозаическимъ гренландцемъ, пропитаннымъ съ головы до пятъ рыбьимъ жиромъ, если нейти прямо къ цѣли и цѣликомъ

не высказать Варинькѣ всѣхъ моихъ ощущеній, думалъ Сила Львовичъ... Утромъ, говорилъ онъ, все расскажу ей... Все! Старую исторію моей жизни, настоящее блаженство... Ахъ, этотъ поручикъ!... Удивительное счастье этимъ поручикамъ... и зачѣмъ я не гарнизонный! въ полупросонѣ продолжалъ шептать Сила Львовичъ.

Глаза барона начали слипаться, мысли тупѣть, высказываясь въ несвязныхъ восклицаніяхъ, — и скоро какіе-то масляные фантастическіе круги въ радужныхъ тѣняхъ забродили въ глазахъ Силы Львовича... онъ уснулъ...

Крупный говоръ, смѣхъ и звонъ стакановъ, раздававшіеся въ сосѣдней комнатѣ, встрѣтили пробужденіе нашего героя. Первымъ его движеніемъ было броситься къ окну, для того, чтобы по экипажамъ, оставленнымъ на дворѣ, какъ предполагалъ Сила Львовичъ, узнать и

число и званіе своихъ сосѣдей. До полусотни осѣдланыхъ коней въ казацкомъ приборѣ и перекинутые за холкою сѣдла походные мѣшки тотчасъ же увѣрили Силу Львовича, что гости умета—наѣздники. Напуганный вечернимъ разсказомъ Вариньки, баронъ рѣшительно заключилъ, что этотъ табунъ сбатованныхъ скакуновъ долженъ принадлежать пугачевскимъ сорванцамъ. Съ этою мыслию Сила Львовичъ, болѣе страшась за спокойствіе своей названной сестры, готовъ уже былъ броситься къ противоположному дивану, какъ новая и совершенно неожиданная сцена, представившаяся глазамъ нашего наблюдателя, лишила его всякой способности опредѣлить причину этой сцены... Сила Львовичъ, на шагъ отъ воротъ умета, разглядѣлъ Вариньку, усердно помогавшую своему проводнику впрягать лошадей въ кибитку... Вотъ она боязливо оглянулась,

что-то сказала своему слугѣ: указывая на окно барона — и исчезла въ кибиткѣ. Малорослый, но расторопный слуга странницы, въ ту же минуту вспрыгнулъ на облучокъ... и дворъ опустѣлъ...

Силѣ Львовичу казалось, что пятки его приросли къ землѣ, въ глазахъ кружились лошади, сараи, и даже самое окно, въ которое смотрѣлъ баронъ, не разъ, повидимому, выворотилось на изнанку. Изумленный туристъ онѣмѣлъ, какъ замороженный качанъ капусты... И было отчего!... Сила Львовичъ такъ много испыталъ, такъ много извѣдалъ — что съ перваго мгновенія понялъ свое невыгодное положеніе. Поспѣшное бѣгство Вариньки, въ благородныхъ чувствахъ которой онъ вполнѣ увѣрился, не обѣщало ему ничего хорошаго. Многолюдное сосѣдство, эти походные буцефалы, торопливость микроскопическаго Таликова и частое побрякиваніе сабель за стѣною,

все помогало тому, чтобы мирный странствователь, неожиданный вооруженной встрече и засады — совершенно струсилъ на первыхъ порахъ...

Сила Львовичъ судорожно отшатнулся отъ окна, и въ безотчетномъ забытѣ направился къ двери... Только у порога ея разсудокъ, вызванный чувствомъ самосохраненія, возвратился къ барону.

— Однако-же, что́ я дѣлаю? спросилъ самъ себя Сила Львовичъ... Зачѣмъ и для чего мнѣ идти навстрѣчу бѣдѣ... Не лучше-ли замкнуть дверь и... и... Просто не знаю что́ начать! въ отчаяніи заключилъ баронъ, крѣпко задвинувъ засовъ двери... ну что если этотъ глупѣйшій Марка разхвастается въ кругу головорѣзовъ, что онъ имѣетъ честь служить при моей особѣ и что моя особа тянется въ злосчастный Яикскій городокъ съ такимъ запасомъ золота и шелку!.. такъ вотъ когда я погибаю! сказалъ Сила

Львовичъ, съ ужасомъ бросивъ взглядъ на свои сафьянные и бархатные баульчики.

Баронъ тревожно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, ощупалъ окно, изъ котораго намѣревался выпрыгнуть, въ нѣмой тоскѣ бросался раза два на свое ночное ложе, и наконецъ осторожно подошелъ къ двери, стараясь прислушаться къ разговору казаковъ...

— Такъ и есть... этотъ дуракъ уже распоясалъ свой длинный языкъ! вскричалъ Сила Львовичъ, подслушавъ голосъ Марки... Теперь я пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой... это любимая поговорка Бурсина... Что же мнѣ дѣлать?... Вѣдь еще минута, и до меня доберутся пріятели!.. Экая встрѣча!..

Досказывая послѣднія слова, молодой человѣкъ достигъ уже середины комнаты, — и вдругъ блѣдное лицо его ожило румянцемъ, глаза сверкнули огнемъ отваги, и Сила Львовичъ презрительно, въ по-

дуоборотъ, взглянулъ на запертую дверь.

— Жиль безпутно, сказалъ онъ, и умереть не умѣю, какъ порядочный человекъ... Лучше бы мнѣ не называться русскимъ дворяниномъ, если я въ-самомъ-дѣлѣ такой подлый трусъ... И кого же боюсь встрѣтить?... Висильниковъ, разбойковъ, ушедшихъ изъ подъ кнута и клейма... Не дамся!... Ахъ, Варинька, Варинька! предъ послѣднимъ часомъ мнѣ суждено постигать очарованіе жизни!

Послѣ этой благородной тирады Сила Львовичъ перешелъ къ совершенно ненатуральному въ его положеніи равнодушію, и насвистывая какую-то аріетку, принялся заряжать свои пистолеты также хладнокровно, какъ бы намѣревался истратить зарядъ на встрѣчнаго воробья...

Баронъ взвелъ курки пистолетовъ, и положилъ ихъ на столъ...

Взглядъ на щегольское оружіе до того ободрилъ нашего героя, что онъ

считалъ теперь себя уже внѣ опасности, и началъ мечтать о томъ, какъ онъ явится къ своему дядюшкѣ, какъ онъ расскажетъ Варинькѣ свои, безхарактерныя ощущенія въ минуту ея бѣгства, — и наконецъ, какъ онъ при первомъ удобномъ случаѣ, поставивъ въ тупикъ злокачественнаго поручика, выдвинется на первый планъ всею своею особою...

Послѣдняя мысль, не смотря на такое варварское сосѣдство, заставила даже Силу Львовича заняться своимъ туалетомъ...

Баронъ вычистилъ и обточилъ свои ногти, встряхнулъ напудренный парикъ, и уже принялся за фабру, какъ мелькнувшій подъ окномъ Ёомичъ, который въ ту же минуту прыгнулъ на лошадь и скрылся за сараями, — своимъ появленіемъ снова возмутилъ хладнокровіе туриста... Въ то же время, за дверьми раздался легкій стукъ...

Сила Львовичъ бросился къ писто-
летамъ, и занявъ уголь между печкою и
стѣною, всталъ въ оборонительную позу...

— Кто тутъ? спросилъ онъ.

— Отворите...

— Прочь — буду стрѣлять...

— Побойтесь Бога, Сила Львовичъ...

Отворите, это я! сказалъ Марка...

— Да точно-ли ты?

— Ей Богу я, сударь... Не мѣш-
кайте... Пора уходить... Худо будетъ...

Дрожащій голосъ Марки и его убѣ-
дительная фраза заставили Силу Льво-
вича отдернуть задвижку двери.

— Ну, что ты? спросилъ барснъ...
Живъ, нераненъ?

— Слава Богу-живъ и нераненъ!
отвѣчалъ Марка. Только, надо доложить
вамъ, сударь, что если мы не поторо-
пимся дать тягу, намъ ужъ больше не
смотреть на свѣтъ Божій... Попались!...

— Да какъ же мы уйдемъ отъ этихъ
головорѣзовъ?

— Пьянешеньки всѣ, батюшка... спятъ
отличительно въ оба глаза, а наибольшихъ-
то запивохъ я спряталъ въ подпольѣ...

— Какъ!... Ты?

— Просто взялъ, да и спряталъ...
Надо уходить... Пожалуйста за мной слѣ-
домъ... Расскажу всю продѣлку послѣ...
Время дорого — Сила Львов... то-есть
батюшка баронъ... Идемте!...

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣчалъ ото-
ропѣвшій Сила Львовичъ... Ну забирай,
братецъ, мои картонны.

— Богъ съ ними... На чѣмъ ихъ
теперь увеземъ... Вѣдь уходить-то при-
дется верхами...

— Какъ! такъ — все это должно
оставить разбойникамъ!

— Тс... Не кричите! Пропадай эта
дрянь... Голова дороже... Пожалуй, что
можно прихватимъ, добавилъ Марко,

спрятавъ за армякъ попавшуюся ему пару коробокъ, а теперь — пожалуйста, батюшка баронъ!...

И всегда почтительный къ своему господину. Марко схватилъ безъ церемоніи за руку Силу Львовича и вывелъ его изъ избы...

Ясный день освѣщалъ равнину, когда наши путники оставили уметъ. Декабрское солнце встало изъ-за туманныхъ облаковъ утра и только-что выпавшій снѣгъ тысячью брильянтовыхъ блестокъ игралъ при его лучахъ. Необозримою, холмистою степью, надъ которою еще рѣдѣлъ утренній туманъ, раскидывалась направо и налѣво окрестность, вставшая передъ глазами всадниковъ... Кругомъ царствовало мертвое молчаніе, ненарушаемое ни полетомъ пернатаго жильца степи, ни лаемъ сторожеваго пса въ придорожномъ хуторѣ, ни даже встрѣчнымъ вѣтромъ...

Съ неизъяснимою тоскою Сила Львовичъ окинулъ взглядомъ безмолвную и однообразную окрестность, въ то время, какъ уметь съ его ветхими пристройками скрылся за холмами. Измученный быстрою скачкою, баронъ сдержалъ своего коня, приказавъ Маркѣ сдѣлать тоже.

— Послушай, Марка, сказалъ Сила Львовичъ: мы скачемъ сломя-голову, не зная куда... Бѣда теперь далеко за нами, и право — пора одуматься...

— Правда, сударь, отвѣчалъ слуга: я вотъ, изволите видѣть, все думалъ нагнать Оомича; съ нимъ-то было бы повадно добратъся до городка, да нѣтъ... видно нашъ ямщикъ поддѣлъ хорошаго вихря... Пропалъ, какъ сквозь землю провалился...

— Что же намъ дѣлать безъ проводника?

— А ужъ воля ваша... Я право и въ толкъ не возьму, что тутъ дѣлать!

отозвался Марка, разсѣянно поглядывая
вкругъ.

— Это ужасно! Столько испытаній!
вскричалъ Сила Львовичъ, возмущенный
равнодушіемъ своего слуги... Вчера,
продолжалъ онъ — едва не замерзли, се-
годня приходится заблудиться...

— Или еще и того хуже, подхва-
тилъ Марка... или еще и того хуже,
сказалъ онъ, — другая бѣда катится подъ
ноги...

— Что еще?

— Да неровень часъ, пожалуй на
озарниковъ наѣдешь... боязно и спро-
сить-то перваго встрѣчнаго — о дорогѣ...
Кто его знаетъ, куда и къ кому при-
ведетъ... Вишь ты, говорятъ, тутъ не-
добрыхъ-то людей много, какъ волки го-
лодные рыскаютъ... Пойдите-ка, сударь,
продолжалъ Марка, если я не ошибаюсь,
вправо отъ насъ, кажись колея виднѣет-
ся... Да такъ и есть! Слава тебѣ Госпо-

ди, слѣдъ-то совсѣмъ свѣжій, видно, что только или кибитка, или сани проѣхали! весело заключилъ Марка, прибавляя рыси своему коню.

Въ-самомъ-дѣлѣ слуга Силы Львовича не ошибся; только что проторенный санный слѣдъ широкою лентою стлался по степи, поднимаясь на холмъ, съ котораго открывался видъ на густой боръ, опущенный снѣгомъ. Ободренные этою встрѣчею, путники мелкою рысью пустились впередъ. Марка, рѣдко словоохотливый, на этотъ разъ, вѣроятно, желая размыкать замѣтную грусть барина, принялся рассказывать тѣ сцены, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ уметѣ. Продѣлки знахаря и наконецъ находчивость самаго разскащика до того заинтересовали барина, что онъ не замѣтилъ, какъ они все тою же колеею вѣхали въ густой боръ, который вскорѣ превратился

въ такую трущобу, что два коня рядомъ не могли уже слѣдовать...

— Вотъ тебѣ и разъ! Батюшка, Сила Львовичъ, — вѣдь мы опять заплутались! вскричалъ Марка.

— Какъ заплутались?... Да развѣ это нетропинка...

— Тропинка — не дорога, сударь... Вотъ тропинка направо, вонъ и влѣво цѣлыхъ двѣ еще, по которой ѣхать?

— Повернемъ коней назадъ...

— Назадъ... Да полно выберемся ли... Смотрите то пень, то колода, то хворостъ... Ахъ ты напасть непрошенная!.. Что тутъ дѣлать? И лошади-то приставать начинаютъ...

Въ эту минуту, въ сторонѣ — за нашими путниками раздался выстрѣлъ, другой — и вскорѣ жаркая перестрѣлка закипѣла, повидимому, на степи, при опушкѣ леса...

— Часъ отъ часу нелегче! дрожа и

съ невыразимымъ ужасомъ прошепталъ Марка...

— Боже мой! отозвался встревоженный Сила Львовичъ... Марка, мы даже забыли въ уметѣ наши пистолеты...

— Прахъ ихъ возьми... Много они намъ помогутъ... Я даже, съ вашего позволенія, и стрѣлять-то не умѣю... Слышите, слышите, сударь, какая идетъ жарня...

— И кажется, выстрѣлы приближаются, Марка...

— И мнѣ кажется... Бросимте коней, Сила Львовичъ... Ударимтесь куда-нибудь въ трущобу... Не то просто сгинь, да пропади... Слезайте, я подержу вашего гнѣдка...

— Нѣтъ, Марка, лучше пуститься вскачь... выстрѣлы за нами, стало быть еще есть возможность уйти отъ непріят-

ной встрѣчи... Пошелъ впередъ по этой тропинкѣ...

Марка готовъ былъ рѣшиться на все, что хотя сколько-нибудь намекало ему на спасеніе... Не возражая болѣе на слова своего господина, онъ схватилъ первый попавшійся ему въ руки пруть, и приударивъ коня, пустился во весь скакъ указанною тропинкою. Баринъ, пригнувшись къ сѣдлу, не отставалъ отъ слуги своего... Въ полчаса, изодранные и оборванные встрѣчными сучьями, нашъ Донъ-Кихоть и его Санхо-Панса, къ несказанной своей радости, замѣтили, что лѣсъ началъ рѣдѣть, тропинка, разбѣгаясь шире и шире, наконецъ повернула направо, и свободною, торною дорогою потянулась низменнымъ берегомъ рѣчки, на противоположной сторонѣ которой открылся, верстахъ въ трехъ, раскинутый на степи хуторъ... А между-тѣмъ и звукъ выстрѣловъ съ каждою минутою стано-

вился рѣже, слабѣе, отдаленнѣе, и наконецъ, ненадолго нарушенное молчаніе лѣса снова водворилось...

— Слава тебѣ Господи... помиловалъ насъ грѣшныхъ! сказалъ Марка.

— Тс!... Постой... молчи! вскричалъ Сила Львовичъ, едва сдерживая разгоряченнаго коня...

— Что съ вами!... Развѣ вы, что слышите? спросилъ слуга, возвращаясь къ своему испугу...

Но отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ уже ненуженъ. Марка ясно разслушалъ теперь звонкую, русскую пѣсню...

— Батюшка-баринъ, да вѣдь это поетъ женщина! радостно сказалъ слуга...

— Да, да!... Ну хоть человѣка встрѣтили...

— Эге... вотъ она, моя касатка! Ей, красавица! Послушай-ко марьяжъ ты, леденецъ паточный! кричалъ Марка; обезумѣвшій отъ радости, направляясь къ

самому берегу рѣки, на которомъ теперь показалась молодая казачка, съ перекинутымъ на плечъ коромысломъ...

Полная румяная дѣвка остановилась, подняла свои большіе голубые глаза на незнакомца, и опустила на землю ведра.

— Что тебѣ надо, родимый? спросила она.

— Тебя, краля ты моя писанная...

— А для чѣ?

— Вишь ты, лебедка, какая оказія... Мы вотъ съ бариномъ, такъ сказать, не здѣшніе...

При словѣ баринъ, казачка отвѣсила Силѣ Львовичу низкій и почтительный поклонъ.

— Ну и, такъ-сказать, продолжалъ Марка, выходить дорогу, т. е., по вашему, шляхъ потеряли...

— А далече-ли шляхъ-то вашъ лежитъ, кормилецъ?

— Въ городокъ...

— Въ городокъ! Не вогнѣвъ сказать вашей милости, съ новымъ поклономъ продолжала дѣвица, вы верстъ десятокъ промахали не за что, не про что... Теперь-отъ-ко, надо вамъ вотъ все прямо ѣхать рѣчкою, а тамъ опять обогнуть налѣво лѣсъ, да ужъ у горокъ только пойдетъ настоящій шляхъ... Да пойдѣмъ покажу...

Съ этими словами казачка подняла свои ведра, и украдкою разглядывая изнуренное лицо молодаго барина, пошла впередъ почти у самага баронскаго стремя.

— Ай да маковъ цвѣтъ, добрый-шее сердце! говорилъ Марка... Вотъ спасибо!.. вотъ послалъ-то тебя Богъ во-время...

— А что, красавица, ты здѣшняя? спросилъ Сила Львовичъ.

— Здѣшняя, баринъ... вонъ съ эвтаго хутора...

— Ага... вижу... А чья ты?

— Казацкая дочка... Кузнецъ ѿ отецъ мой прозывается... При этомъ Марко съ особеннымъ вниманіемъ поглядѣлъ на свою проводницу...

— Ну, а какъ тебя зовутъ, красавица? продолжалъ Сила Львовичъ...

— Устиньей, кормилецъ...

— Ой! отозвался Марка... Ужъ не Устинья-ли Петровна!

— А ты это почему знаешь? съ изумленіемъ спросила дѣвушка. Тотъ же вопросъ, повторилъ и Сила Львовичъ.

— Мало-ли я что знаю, съ хитрою улыбкою отозвался Марка... Я даже знаю, кто по тебѣ сохнетъ, моя красавица...

— Ой ли? съ громкимъ смѣхомъ спросила Устинья

— Право слово... Хочешь... скажу? Ась!

— А ну-ко, скажи...

— Да ужъ если скажу, не будетъ сказано облыжно...

— Отвяжись... балагуришь, корми-
лецъ...

— Хоть побожиться — нѣтъ... Знаю...
Малый хоть куда, а зовутъ его Сенька
Недорѣзь!

При послѣднихъ словахъ Марки, ко-
торый съ нарѣ слышалъ весь ночной
разсказъ казака, румянецъ исчезъ на
щекахъ дѣвушки, она почти со стра-
хомъ взглянула на слугу Силы Львовича.
послѣдній также не мало былъ изумленъ
всезнаніемъ своего Марки...

— Что!.. Вотъ и зартачилась! про-
должалъ Марко... вѣдь правду сказалъ?..

— Правду, правду! въ какомъ-то
раздумьи и тихо проговорила Устинья...
Да какъ же это ты знаешь?.. Правда,
все правда... не утаю!

— Какъ знаю... Эге!.. Наука далась...
то-есть, понимаешь... Пожалуй, коли на
то пошло, еще слова два прикину...

Во все это время дѣвушка не спу-

скала съ Марки взгляда, полного выра-
женія страха.

— Да нешто ты знахарь, что-ли?
спросила она.

— Знахарь...

— Сила Львовичъ едва удерживался
отъ смѣха, удивляясь дерзости своего
слуги, въ которомъ до-сихъ-поръ не
предполагалъ столько удали.

— Такъ вотъ, изволишь видѣть за
спасибо, что намъ дорогу показала, про-
должалъ Марка, изволь я еще тебѣ сло-
ва два прикину...

— Что-же еще-то? съ очевиднымъ
любопытствомъ спросила казачка.

— А то, что къ тебѣ не сегодня,
завтра свать пріѣдетъ...

— Свать! Отъ Недорѣза!

— Эхъ ма, цыпочка ты моя бѣло-
ножка, нѣтъ! съ тяжелымъ вздохомъ
отозвался Марка... Другой у тебя женихъ
нашелся, а ужъ хорошъ ли, худъ ли,

не скажу. Не хочу тебя ни пугать, ни радовать... Доживешь до вечера, спознаешь и то?

— Да ничего, скажи, кормилец?

— Ну не могу, моя ягодка спѣлая: имя-то такое, какъ бы тебѣ сказать... Право не могу... Къ тому же я на тощакъ не всегда вѣрно ворожбу справляю... Узнаешь сама, а теперь вотъ и лѣсъ... Куда намъ тутъ прикажешь выбратъся?..

— Сейчасъ направо, а тамъ и на горки, сказала проводница.

— Постой, Марка, перебилъ Сила Львовичъ... Покажи-ка, что у тебя тамъ — въ коробкахъ?

— Въ коробкахъ-то?.. Да ужъ вѣситимо, сударь, дребедень какая-нибудь... А что, развѣ чѣмъ ни на есть подарить хотите красавицу?..

— Да.

— Что-жъ, дѣвка славная... Можно...

Вотъ я ее красной лентой для косы русой почевствую.

Щедрый Марка вытащилъ изъ-за каф-тана одну изъ коробокъ, и по тщатель-номъ ея осмотрѣ доложилъ Силѣ Льво-вичу, что ленты оставлены въ уметѣ.

— Такъ что же есть съ нами? спро-силъ баронъ.

— Колечки... серьги...

— Ну дай серьги...

Марка не разсуждалъ, и перегнув-шись съ сѣдла, передъ глазами изумлен-ной казачки, тряхнулъ золотыми серь-гами:

— На-ка красавица, за спасибо, съ легкой руки!.. сказалъ онъ...

— Что ты, родимый!.. Какъ можно такое богатство...

— Бери, душа моя! сказалъ Сила Львовичъ...

— Бери, коли даютъ! подхватилъ

Марка, почти насильно оставивъ подарокъ въ рукахъ дѣвушки...

— Прощай! сказалъ Марка.

— Прощай! повторилъ Сила Львовичъ.

И наѣздники мелкой рысью снова пустились опушкою лѣса, въ то время, какъ молодая казачка, пораженная неожиданною встрѣчею, необъяснимымъ знаніемъ незнакомца и его дорогимъ подаркомъ, долго смотрѣла вслѣдъ удалявшимся отъ нея путникамъ.

— Скажи, пожалуйста, началъ Сила Львовичъ... Я тебя не узнаю Марка, ты рѣшительно дѣлаешься сказочнымъ героемъ... Напримѣръ, какъ ты узналъ, что по этой красавицѣ сохнетъ казацкое сердце Недорѣза?

— Подслушалъ въ уметѣ, какъ тотъ самъ рассказывалъ знахарю о своей зазнобѣ...

— Ну, а о какомъ сватѣ и женихѣ намекалъ ты?

— И это правда, сударь. Тотъ же Недорѣзъ говорилъ, что къ Кузнецову ѣдетъ отъ разбойника Емельки, какой-то другой воръ...

— Стой! Кто ѣдетъ! раздалось надъ самымъ ухомъ путниковъ, и въ ту же минуту толпа конныхъ казаковъ окружила нашихъ странниковъ.

— Что вы за люди? спросилъ одинъ изъ передовыхъ, обращаясь къ Марку, разглядывая нарядъ Силы Львовича.

— Это мой господинъ, поспѣшилъ отвѣтить Марка... Мы люди мирные... т. е. такъ сказать, баринъ мой докторъ... ну, а я слуга моего барина...

Казаки невольно расхохотались надъ этимъ простодушнымъ отвѣтомъ.

— А куда это вы изволите пробираться, слуга своего барина?

На этотъ вопросъ находчивый Марка не могъ отвѣчать такъ скоро, какъ на первый... Если сказать, что ѣдимъ въ Яикъ, многовенно успѣлъ раздумать онъ, то дѣло будетъ не ладно, а о другихъ городахъ, находящихся въ окрестности, Марка не имѣлъ никакихъ географическихъ свѣдѣній...

— Куда же? повторилъ казакъ.

— Да... просто никуда! сказалъ Марка, съ видомъ человека, который говоритъ самую высокую истину...

— Какъ никуда, олухъ ты этакій...

— Никуда! повторилъ слуга Силы Львовича... Мы вотъ такъ себѣ ѣдимъ... Такъ вотъ хотимъ ѣздить...

— Мы, друзья мои, перебилъ Сила Львовичъ, стараясь казаться совершенно спокойнымъ и понимая мысль Марки, кочуемъ изъ хутора въ другой, изъ села въ село, сказалъ онъ... и гдѣ встрѣтимъ нуждающихся въ нашей помощи, тамъ

и останавливаемся на нѣсколько дней, по мѣрѣ надобности...

— Да, да! подхватилъ Марка... мы вотъ просто лечимъ, да и кончено...

— Ага, такъ вы люди полезные! сказалъ казакъ... люди нужные... А такъ, какъ вамъ, друзья мои бродить-то все равно, такъ не будетъ ли милости отправиться со мною вотъ до этого хутора... Туда сейчасъ подвезутъ нашихъ раненыхъ, и вы имъ сдѣлаете перевязку... Милости просимъ!.. Маршъ впередъ...

— Намъ все-равно... совершенно все-равно! съ глубокимъ вздохомъ отзывался Марка.

Сила Львовичъ и Марка, такъ близкіе къ своему спасенію, теперь должны были повернуть коней и слѣдовать по указанной дорогѣ до хутора Устины.

— Однакожъ, чортъ возьми, тихо сказалъ одинъ изъ казаковъ, не спуская своихъ красныхъ глазъ съ баронскаго

коня... Лошади-то у этихъ молодцовъ точно наши, да и сбруя-то не докторская...

— Молчи, отозвался старшина, дѣлавшій допросъ путникамъ... Я даже знаю, что подъ этимъ молодцомъ конь Кондратя Голована, который вмѣстѣ съ другими товарищами, какъ сквозь землю провалился... Мы допросимъ этихъ мирныхъ странниковъ, и можетъ-быть, что-нибудь узнаемъ... А ужъ только молвить кстати, рожи нашихъ друзей крѣпко подозрительны! заключилъ старшина.

VI.

СОВѢТЪ ВЪ КОМЕНДАНТСКОЙ КВАРТИРѢ. — ВѢСТНИКЪ. — СЛУЖБА СЛУЖБОЙ, А ДРУЖБА ДРУЖБОЙ. —
ЧТО ЖЕ СДѢЛАЛОСЬ СЪ ПЛЕМЯННИКОМЪ.

Въ эпоху, къ которой относится дѣйствіе нашего разсказа, Яикскій городокъ, названный въ-послѣдствіи Уральскомъ, выдержавъ, въ сентябрѣ 1773 года, первый набѣгъ мятежной сволочи, послѣ разоренія разбойниками крѣпостей Илецкой, Разсыпной, Озерной, Татищевой и Чернорѣченской, ждалъ другаго натиска злодѣевъ, болѣе смѣлаго и сильнаго. Храбрый комендантъ Яикскаго городка, подполковникъ Симоновъ, командуя отборными молодцами, вѣрными слугами престола, не смотря на всѣ ужасы, какими сопровождалось взятіе помянутыхъ

крѣпостей, рѣшился умереть на стѣнахъ своего маленькаго укрѣпленія, но отслужить присягѣ съ честью храбраго солдата. Къ-тому же, увѣренный въ усердіи подчиненныхъ, онъ смѣло надѣялся, въ случаѣ взятія города, котораго не могъ отстоять со своимъ малочисленнымъ гарнизономъ, отсидѣться за стѣнами крѣпости... Надежда казалась тѣмъ болѣе избыточною, что радостная вѣсть о приближеніи регулярныхъ войскъ на линію уже ободряла многихъ страдальцевъ несчастнаго края, разореннаго злодѣйствомъ и хищничествомъ (*).

Для ясности нашего разсказа, мы должны вернуться къ той ночи, въ ко-

(*) Всѣ историческіе факты, относящіеся къ разсказу, заимствованы изъ «Исторіи Пугачевского бунта», см. соч. Пушкина Т. V. изд. 1838 г., и изъ статьи „Оборона крѣпости Яики въ 1774 г.“ см. Отечественныя Записки, изданіе Свиньина, 1824 г. №№ 52 и 53.

торую познакомились съ Силою Львовичемъ. Въ то время, какъ въ степи завывала такая страшная непогода, въ городкѣ царствовало совершенное спокойствіе; ни одного живаго существа не показывалось на улицахъ, занесенныхъ глубокимъ снѣгомъ. Огни давно уже потухли, какъ на посадѣ, такъ и въ городѣ, и только небольшой свѣтъ еще пробивался сквозь опущенные шторы въ окнахъ комендантскаго дома. Въ немъ-то, въ минуту всеобщаго усыпленія, бодрствовали тѣ, на совѣсти и отвѣтственности которыхъ лежала важная мысль спасенія крѣпости и наказанія враговъ...

Мѣстомъ собравшихся для совѣщанія служила небольшая квадратная комната, обращенная окнами къ лѣвому фасу укрѣпленнаго вала. Рѣзные дубовые стулья съ высокими спинками, большой круглый столъ на срединѣ и длинная, обитая темнымъ ситцемъ софа, да зеленые ко-

ленкоровые занавѣсы на окнахъ, вотъ вся утварь, которая составляла убранство и украшеніе комендантской столовой. Высокій, плотный мужчина, съ веселымъ, румянымъ лицомъ, въ бѣломъ киргизскомъ халатѣ и съ коротенькою пѣнковою трубкою въ зубахъ, помѣщался на громадной изразцовой лежанкѣ, расписанной узорами и іероглифами, — на шагъ отъ него, облокотясь на костыль, и положивъ другую руку на плечо молодого, красиваго поручика седьмой егерской команды, стоялъ мужчина среднихъ лѣтъ... Въ крупныхъ чертахъ лица послѣдняго и въ его сѣрыхъ глазахъ было такъ много ума, мужества и спокойствія, что казалось, съ подобнымъ товарищемъ Симоновъ могъ смѣло рассчитывать на отвагу и молодечество своихъ солдатъ... Въ противоположномъ углу комнаты, на стулѣ, рядомъ съ высокою, худощавою, старушкою, дремалъ съдой казацкій стар-

шина Мостовщиковъ... Казалось, старушка вполнѣ раздѣляла нетяжелое занятіе своего сосѣда, и каждый разъ, какъ игла вываливалась изъ чулка ея, что повторялось весьма нерѣдко, молчаливые собесѣдники оба нагибались за оброненною вещью, и почти въ одинъ голосъ говорили :

— Не понюхать-ли табачку?..

— При этомъ старушка и старшина, обращаясь каждый къ своей табакеркѣ, обоюдно предлагали другъ-другу позаимствовать щепотью березинскаго.

— Эхъ! да перестанете-ли вы тамъ, табанюхи неугомонные! вскричалъ наконецъ старый комендантъ, нарушивъ общее молчаніе и ударивъ своею трубкою въ карнизъ лежанки... Ну, что это такое, продолжалъ онъ... Марья Ивановна, не хотите-ли табачку, Егоръ Егорычъ, не понюхать-ли табачку!.. табачку, да табачку... вотъ цѣлый вечеръ только отъ

васъ и слышимъ, что щелкаютъ однѣ тавлинки...

— Что ты, что ты, батюшка, *купоросишься-то!* (*) отозвалась старушка, видимо обиженная словами коменданта... что́ это... въ приличіяхъ развѣ... въ тонѣ!.. У тебя вонъ есть чадилка, ну и соси ее... никто тебѣ помѣхи не сдѣлаетъ... Такъ-то!

— Да нельзя же, матушка Марья Ивановна... Тутъ вотъ о дѣлѣ погово- рить нужно, обдумать, а ты со своимъ табачкомъ! возразилъ Симоновъ... Ну ка- кой будетъ прокъ въ нашемъ совѣщаніи, какъ вотъ я буду всякому говорить: не покуримъ-ли? Г. Полстоваловъ начнетъ намъ стихи читать своего сочиненія. Крыловъ пунштику спросить, а ты и Егоръ Егоровичъ—носомъ въ тавлинку.. Не время и не мѣсто, матушка...

(*) Мѣстное слово — купороситься — сердиться.

— Не твое, сударь, дѣло!..

— Да какъ не мое... Ну, такъ что же я здѣсь послѣ этого!.. Вѣдь я пригласилъ васъ на совѣтъ, а не для того, чтобы смотрѣть, какъ васъ табакобѣсїе одолѣетъ. Вотъ, извольте-ка, прошу покорно взять и придвинуть стулья, не угодно-ли сомкнуться около меня...

— При этихъ словахъ молодой поручикъ быстро придвинулъ къ лежанкѣ нѣсколько стульевъ, и когда присутствующіе заняли свои мѣста, онъ скромно помѣстился за стуломъ старушки. Ласковый взглядъ комендантской супруги былъ наградою расторопному юношѣ, при чемъ Марья Ивановна, въ избыткѣ благодарности, не могла удержаться отъ того, чтобы не поподчивать поручика табачкомъ...

— Опять! вскричалъ комендантъ, когда старушка протянула къ поручику свою руку, вооруженную табакеркою...

— Ну, не буду... не буду! Ахъ какой настойчивый человекъ! прошептала старушка, тряхнувъ фалборками своего чепца... Извольте: мы васъ слушаемъ, сказала она.

— Господа, началъ Симоновъ, наконецъ настаетъ наше боевое время. Висильникъ Емелька смекнулъ, какъ важно завладѣніе нашимъ городкомъ, и рѣшился снова отвѣдать нашего молодецкаго удара. Сегодня вечеромъ, чрезъ казака, посланнаго десятникомъ Недорѣзомъ изъ Гниловскаго форпоста, я получилъ важныя свѣдѣнія. Недорѣзъ меня извѣщаетъ, что вчера на-разсвѣтъ, во-время бурана, онъ наѣхалъ на партію казаковъ, которую успѣлъ обмануть и вывѣдалъ отъ нихъ, что измѣнникъ Толкачевъ съ передовыми отрядами высланъ на насъ изъ-подъ Оренбурга, и что партіи завтра на разсвѣтъ должны уже собраться за Чаганомъ... Недорѣзъ успѣлъ завести мо-

лодцовъ въ трущобы, однакоже — намъ отъ этого не легче... Не пропадутъ же вѣдь разбойники, и дня чрезъ два, ихъ неизбѣжно надо ждать...

— Ну, да вы мнѣ это объяснили, подполковникъ, замѣтилъ старшина, и я тотчасъ же распорядился, выславъ развѣдныя партіи...

— Прекрасно! подхватилъ Крыловъ, — и мой совѣтъ: вамъ съ зарею самимъ — бы съ усиленнымъ отрядомъ выйти изъ города, и нежданно, на случай пріятной встрѣчи, въ виду горожанъ и посадскихъ, хорошенько поколотить илецкихъ измѣнниковъ...

— А кого заарканять, добавилъ Симоновъ... того тотчасъ же на площадь — и разстрѣлять, въ острастку вашимъ же казакамъ, между которыми у многихъ совѣсть позаржавѣла...

— Все это такъ, господа, возразилъ Мостовщиковъ, человекъ храбрый

но природѣ, но чрезвычайно неподвижный, котораго, какъ говорится, чтобы вызвать на какое-нибудь дѣйствіе, необходимо должно было раскачать... *наши* говать его, какъ выражался молодой поручикъ... Все это такъ, господа, сказалъ онъ, но смѣю васъ спросить: куда я долженъ выйти съ моимъ отрядомъ?

— Ахъ, милосердый Боже! вскричалъ нетерпѣливый Симоновъ... отправляйтесь сейчасъ... сію минуту, рассыпьте секреты, и врагъ самъ наткнется на васъ...

— А мы за себя постоимъ, добавилъ Крыловъ: клянусь вамъ моею капитанскою честью, что по первому выстрѣлу — цѣлая сотня штыковъ къ вашимъ услугамъ...

— Первый моментъ — важенъ! сказалъ Симоновъ.

— Поколоти мы измѣнниковъ на первомъ шагу — не сунуть носъ далше!

подхватилъ Крыловъ... Воръ храбръ въ потьмахъ, нохвати его за воротъ, цѣликомъ твой!

— А мое бы мнѣніе, милостивые государи, начала Марья Ивановна: я хотя и женщина...

— Смирно, сударыня! вскричалъ Симоновъ... Понюхайте табаку... и ни слова!... Не забудьте, что вашъ мужъ не имѣетъ носковъ... вяжите... время походное...

— Но, я хочу сказать...

— Не будемъ слушать!...

— Но я...

— Не бабье дѣло полевая и форпостная служба!... Горшокъ, ухватъ, чулокъ, табакерка... распорядитесь этими недолговѣчными волонтерами...

— Такъ, наконецъ, позвольте васъ спросить, съ обиженнымъ самолюбіемъ сказала старушка... для чего же вы просили меня садиться къ вашей лежанкѣ?...

— Изъ учтивости... Только изъ учтивости — чортъ возьми...

— Хороша учтивость... въ-такомъ-случаѣ я уйду...

— И съ Богомъ!

— Забыто всякое приличіе! сквозь слезы сказала Марья Ивановна, оставляя свое мѣсто...

Симоновъ вздрогнулъ и также оставилъ свое мѣсто...

— Машенька, Машенька! вскричалъ онъ... что съ тобою...

— Охъ... дурно!

— Дурно... голубчикъ мой... да вѣдь я такъ... я только того... Ей-Богу — ничего больше... Ахъ, пропалъ я, побѣднѣла! продолжалъ старикъ, ударивъ себя по лбу... Экой дуракъ!... растрогалъ женщину такую энергическую, такую благородную... Петя, отецъ родной!... Полетоваловъ... Да что-жъ вы стоите, какъ деревянные?... Ну... воды! спирту!

уксусу... чего-нибудь... жидкаго... Все пропало! Воды, братцы, воды!

Въ эту критическую минуту, когда Марья Ивановна въ мнимомъ обморокѣ упала на стулъ — на порогъ комнаты показался Недорѣзъ, встревоженный и облитый потомъ.

— Что новаго... говори скорѣй! вскричалъ Симоновъ, забывая обморокъ супруги.

— Злодѣевъ можно накрыть, ваше высокородіе! сказалъ казакъ.

— Накрыть? Какъ накрыть?

— Партія, которую я завелъ—теперь вся въ уметѣ *«Стараго — Малаклая»*, вѣрно они перепьются съ дороги.

— Славно! вскричалъ Крыловъ... Время терять не должно...

— Не должно, ваше высокоблагородіе, отозвался казакъ... потому, осмѣлюсь доложить, что тамъ еще остались наши и не можемъ знать, какъ отдѣлаются.

— Кто же это наши?

— Таликовъ и племянница ихъ вы-
сокородія...

— Варинька! вскричалъ поручикъ,
уронивъ на полъ стеклянку со спиртомъ...

— Варичка! повторила Марья Ива-
новна, такимъ твердымъ голосомъ, какъ-
будто бы это имя совершенно возвра-
тило ей и силу и память... Ахъ, зло-
дѣй!... Племянницу послалъ подъ то-
поръ...

— Успокойтесь, сказалъ всегда раз-
судительный и спокойный капитанъ.

— Успокойтесь, повторилъ Симо-
новъ... до умета всего семь верстъ...
нашъ старшина поспѣетъ туда съ отря-
домъ во-время... Къ-тому же Таликовъ
не изъ такихъ, чтобы влѣзъ въ петлю:
развѣ онъ самъ надѣнетъ ее кому-ни-
будь! Не бойся, другъ мой, продолжалъ
комендантъ, обращаясь къ женѣ и со-
вершенно обрадованный тѣмъ, что пред-

ставился нечаянный и скорый случай къ примиренію... Ну-съ, говорилъ онъ... Егоръ Егоровичъ... Садитесь-ка на коня, и благословясь, въ дорогу...

Мостовщиковъ, молча, взялъ свою киргизскую остроконечную шапку и вышелъ изъ столовой, за нимъ отправился и Недорѣзъ.

— Подполковникъ, сдѣлайте милость отпустите меня съ коннымъ отрядомъ? сказалъ Полстоваловъ, взявшись за свою маленькую трехъ-угольную шляпу.

— Тебя! что ты шутишь, братецъ?

— Ради Бога!

— И не говори! Успокойся... твоя Варинька будетъ здѣсь...

— Но можетъ случиться...

— Смирно! Ничего не случится...

Извольте пригласить ко мнѣ господъ офицеровъ, кромѣ тѣхъ, которые выступаютъ въ отрядъ капитана Крылова... Капитанъ, продолжалъ Симоновъ... даю вамъ пять-

десять штыковъ, раскиньте секреты за горками, не растягивая цѣпи, и если Мостовщикову будетъ плохо, помогите ему стальной щетинкой... Если слышите выстрѣлы далеко отъ города... идите только на частый выстрѣлъ... На маршъ не дремать... Нехудо было бы прихватить съ собой пушечку, да легкой нѣтъ... Дѣлать нечего, не обзавелись!.. Ну, съ Богомъ, друзья!

Товарищи обнялись и разстались.

Марья Ивановна, встревоженная вѣстью объ опасномъ положеніи Вариньки, ушла поплакать на просторъ, и чрезъ нѣсколь-ко минутъ столовая, которую одѣтый теперь въ полный мундиръ старый Симонъ мѣрлялъ громадными шагами, наполнилась обществомъ офицеровъ...

— Господа, сказалъ комендантъ, встрѣтивъ своихъ сослуживцевъ, въ то время, какъ подъ окнами мелькнулъ отрядъ казаковъ, а за нимъ и отрядъ еге-

рей, — господа, сегодня или завтра настанетъ время славной и бодрой службы... Оправдайте предъ Матушкою Царицею вашего стараго командира, будьте въ дѣлѣ молодцами, отслужите грудью, честно и совѣстливо... Такъ Богъ велѣлъ, на то мы и присягали... Старымъ служакамъ скажу только, чтобы не забывали своей славной молодости, а молодыхъ прошу поберечь рискъ и запальчивость до вылазки, гдѣ нужна отвага и бойкое молодечество... въ дѣлѣ за окопами — больше вниманія, осторожности, надсмотра за людьми и смѣтки... Съ первою дробью барабана будьте всѣ готовы или славно умереть, или славно жить!... Прощайте... Идите по своимъ мѣстамъ! Полстоваловъ, останьтесь при мнѣ... Есть приказаніе...

Глубокая тишина водворилась въ столовой коменданта съ уходомъ изъ нея офицеровъ. Заложивъ руки въ карманы

— Не знаю, что вамъ отвѣчать, на это, съ глубокимъ вздохомъ отозвался молодой человѣкъ... Я радъ былъ бы найти какое-нибудь утѣшеніе.. Вы знаете, какъ близко моему сердцу несчастіе Вариньки...

— Знаю братъ, знаю... А, что станешь дѣлать!... Божья воля...

— Отпустите меня, комендантъ!

— Эхъ, братецъ! вскричалъ Симонъ : отпустите — наладилъ себѣ... Ну куда я тебя отпущу... Что ты тамъ сдѣлаешь?...

— Я умру за нее...

— Только! Глупо родной мой... Не-выносимо глупо! Умру! за что?... для чего?... Какъ я тебя отпущу... Во-первыхъ, это безразсудно, а во-вторыхъ, противузаконно... Да! Непорядокъ, душа моя! безразсудно — потому-то одинъ своею личностію и своею шпагою ты ничего не сдѣлаешь... Не въ порядкѣ и

мы, братъ, солдаты... порохъ нюхали, а отъ первой бѣды морщимся, какъ отъ лимона, цѣликомъ проглоченнаго... Вотъ теперь только моргни глазомъ... подъ арестъ запру... передъ фрунтомъ назову... Ей-Богу, такъ назову, что своихъ не узнаешь... Маршъ на службу!... Поймай... Поймай, Петя! торопливо вскричалъ Симоновъ... Слышишь?

— Ничего не слышу...

— Кажется, кто-то подѣхалъ... Да загляни братецъ въ окно-то... Фу ты пропасть, окоченѣлъ человѣкъ, да и полно! Ну, что тамъ?... Кто?...

— Варинька! Варинька!.. съ воплемъ восторга вскричалъ Полстоваловъ, какъ сумасшедшій бросившись изъ двери...

— Ну, слава тебѣ Господи! тихо прошепталъ старикъ, набожно перекрестясь.. Помиловалъ Милосердый... Вѣрно наша взяла! Ахъ ты, ахъ ты родной мой! продолжалъ комендантъ, снова об-

ращаясь къ вышедшему поручику... Вотъ вѣдь какъ ее любить... ужасъ какъ любить!... Бѣдныя, бѣдныя ребятишки... Долго-ли... Уколотятъ молодца — и опять за плачь... Просто — только плачь не за того, такъ за другаго... Ну, здравствуй! вскричалъ комендантъ, и съ возможною въ его лѣта скоростію бросился навстрѣчу племянницѣ, сопровождаемой обрадованнымъ поручикомъ и Таликовымъ, еще не вылезшимъ изъ своего овчиннаго футляра.

— Браво! вскричалъ Симоновъ, обнимая давно жданную гостью... Смотри-ка, Петя! продолжалъ онъ, всплеснувъ руками... Смотри-ка, говорю я, какого храбраго и молодцоватаго воина привезъ намъ Таликовъ изъ Оренбурга...

— Да ужъ... извините, дядюшка, прошу не смѣяться надъ нами, вотъ только позвольте разцаловать тетушку, и я перечту всѣ мои подвиги и всѣ мои

опасныя встрѣчи, сказала Варинька, цалуя старушку, тотчасъ же явившуюся на шумъ и радостныя восклицанія мужа...

— Извольте, сударыня, извольте! сказалъ комендантъ, повѣряйте намъ ваши путевыя впечатлѣнія... А ты, Таликовъ, продолжалъ онъ, маршъ на кухню... Марья Ивановна, накорми знахаря, да уволь, ему родная за спасибо хорошую мѣру водочки. Послѣ онъ расскажетъ намъ, что дѣлается въ Оренбургѣ... Ну-съ, родная моя, извольте! заключилъ Симоновъ, въ то время, какъ знахарь и Марья Ивановна оставили столовую...

— Что-же ты братецъ, снова началъ комендантъ, обращаясь къ Полстовалову, стоишь, какъ пронизанный молніею... Помоги нашему витязю снять свои доспѣхи... Смотри, какъ онъ запутался въ своемъ палашищѣ! Въ-самомъ-дѣлѣ Варинька, готовая удовлетрить любопыство своего добраго дяди, старалась прежде

избавиться отъ своего вооруженія, съ которымъ и разсталась не иначе, какъ при помощи поручика. Затѣмъ дѣвушка со всѣми подробностями разсказала о неожиданномъ появленіи ловкаго Таликова въ Оренбургѣ, о ночномъ съ нимъ походѣ на хуторъ, потомъ о встрѣчѣ въ степи съ Недорѣзомъ, и наконецъ перешла къ ночлегу въ уметѣ...

— Въ этой грязной каморкѣ, говорила Варинька оставались только я и какой-то проѣзжій...

— Ну-съ проѣзжій! перебилъ нетерпѣливо Симоновъ.

— Да, молодой, красивый, ловкій...

Поручикъ судорожно отшатнулся къ стѣнѣ, комендантъ вопросительно взглянулъ на Вириньку...

— Гм... гм! Ну — молодой, ловкій... красивый! сказалъ онъ... Ну и военный, вѣрно гвардейскій сержантъ, или такъ-себѣ, подъячій съ приписью...

— Ни то, ни другое...

— А ты почему знаешь, что онъ за звѣрь? съ какимъ-то испугомъ спросилъ старикъ.

— Ахъ, какіе вы, дядюшка!.. Да вѣдь не сидѣли-же мы съ нимъ, молча... понятно, что мы разговорились...

— Что-о! Какъ это разговорились? Ахъ ты безстыдница! вскричалъ комендантъ... Извольте, молоденькая дѣвочка, глазъ-на-глазъ съ кѣмъ-то — ни то, ни се и...

— Не сердитесь, дядюшка...

— Да, какъ не сердиться!... За это вашего брата... знаешь... за уши, хорошую натацію надо прочитатъ, ругнуть напорядкѣ...

— Это будетъ несправедливо... Согласитесь, что для незнакомаго проѣзжаго я не могла быть Варинькою и неизбежно слѣдовало мнѣ поддержать свою роль, роль наѣздника... А вамъ извѣстно

если двое молодыхъ мужчинъ встрѣчаютъ въ дорогѣ, на станціи, на ночлегѣ, они рады одинъ другому, какъ родной родному...

— Славно, славно! Ну, ну, дорѣзывай... Петя крѣпись!

Варинька съ плутовскою улыбкою взглянула на бѣднаго поручика, и продолжала:

— Я уже вамъ сказала, что онъ такой ловкій, милый... сейчасъ можно было замѣтить въ немъ человека отличнаго воспитанія; одѣтъ щегольски... такой чистенькій, руки бѣлыя, мягкія...

— Какъ мягкія! Кто тебѣ сказалъ, что мягкія! съ невыдержаннымъ ужасомъ вскричалъ старикъ.

— Никто, съ невозмутимымъ равнодушіемъ отозвалась дѣвушка... Это я узнала сама... вѣдь согласитесь, что мы должны-же были, какъ свѣтскія люди въ первую минуту нашего знакомства

пожать другъ-другу руку... Не правда-ли?

— Неправда! Неправда! крикнули въ одинъ голосъ комендантъ и поручикъ.

— Этого я не позволю... рѣшительно не могу позволить! сказалъ первый...

— Да-съ... это... неприлично! тихо и заикаясь, повторилъ другой...

— Эге! еще бы... нашель тутъ приличіе! сказалъ старикъ... Вотъ вамъ и наряжайте нашихъ степныхъ дѣвочекъ въ казацкій кафтанъ... Не угодно-ли!... Подъ киргизскою шапкою ихъ головы вдругъ забываютъ и скромность, и приличіе... Варинька... или ты все лжешь, или ты мнѣ не племянница... или... Ну, ей-Богу, я прибью этого дурака Таликова, зачѣмъ онъ нарядилъ тебя въ казацкій кафтанъ! вскричалъ наконецъ Симоновъ, закруживъ по столовой такими громадными и тяжелыми шагами, что ветхіе израсцы, бренча, запрыгали на лежанкѣ.

— Ахъ , не сердитесь, дядюшка!
сказала дѣвушка, испуганная нѣсколько
гнѣвомъ старика.

— Не буду , не стану сердиться...
Скажи только, что ты лжешь... Ну, вѣдь
лжешь?

— Нѣтъ...

— Нѣтъ! Озорница-дѣвчонка!

— Да слушайте, слушайте...

— Говори, говори... Дорѣзывай!

— Я забыла вамъ сказать, продол-
жала Варинька, что я уже тогда подала
проѣзжему мою руку, когда мы совер-
шенно ознакомились, объяснились...

— Часъ-отъ-часу не легче!...

— И когда я узнала, что проѣзжій...
вашъ племянникъ, а мой братъ...

Поручикъ вздохнулъ свободнѣе , и
до того мрачное лицо его теперь нѣ-
сколько прояснилось , между-тѣмъ какъ
старый комендантъ, при послѣднихъ сло-

вахъ племянницы, почти остолебѣлъ отъ изумленія.

— Племянникъ, говоришь ты? спросилъ онъ наконецъ, какъ бы обращаясь къ своей памяти и пересчитывая своихъ родныхъ... Племянникъ!... Да, почести... у меня, кажется, такого нѣтъ... Не помню, право не помню... Былъ одинъ, матушкинъ сынокъ, безпутный повѣса... Но тотъ вѣрно теперь въ Парижѣ, или пляшетъ на канатѣ, или проигрываетъ отцовское золото... Да ты не шутишь, Варя?

— Нѣтъ... клянусь вамъ... Зовутъ его...

— Ну, ну!.. Какъ его зовутъ...

— Силою...

— Сила Львовичъ! Отцы и благодѣтели! вскричалъ старикъ, всплеснувъ руками... Ахъ ты нежданный гость!.. Да зачѣмъ же это онъ къ намъ пожаловалъ?

— Говорить, что ему надоѣлъ свѣтъ..

— Свѣтъ!.. Да развѣ у насъ тма, что онъ сюда забрался... Ъхаль-бы голубчикъ къ лапландцамъ... Ну, ну! продолжалъ старикъ... Я все-таки радъ гостю... очень радъ... Запру здѣсь молодца, сперва вымою ему голову за старые грѣхи... вышколю по-свойски... научу уму-разуму... Дѣло, дѣло вздумалъ, Сила Львовичъ, милости просимъ... Да! такъ ты говоришь, Варя, что онъ молодецъ? А?.. видный дѣтина, красавецъ?

— И прибавьте къ этому, что уменъ...

— Такъ, такъ! да вѣдь и отецъ у него былъ неглупый человѣкъ... Ай-да Сила Львовичъ, подарилъ старика, спасибо родной, что вспомнилъ... Гдѣ же онъ, Варя?

— Въ уметѣ, дядюшка...

— Въ уметѣ? вскричалъ старикъ, блѣднѣя при одной мысли объ опасномъ положеніи своего дальняго родственника... Милосердый Боже!.. Варвары вы этакіе...

безчеловѣчные! Да какъ же вы его оставили!..

Варинька, не скрывая своихъ опасеній и совершенно раздѣлая скоропостижную грусть добраго старика, объяснила въ короткихъ словахъ тѣ причины, которыя заставили ее и Таликова бѣжать, оставя Силу Львовича на произволъ его счастія.

— Онъ пропадетъ! печально сказалъ Симоновъ, выслушавъ рассказъ дѣвушки.

— Неужели, дядюшка, нѣтъ никакихъ средствъ къ его спасенію?..

— Божья помощь только!.. только, Варинька! Хорошо, если Мостовщиковъ успѣетъ его выручить... А то... Взбѣжать на валъ, посмотрѣть — на степь. заключилъ видимо разстроенный комендантъ, торопливо оставляя столовую...

Долгое молчаніе водворилось въ комнатѣ по уходѣ коменданта. Варинька грустила за судьбу Силы Львовича, къ

которому уже чувствовала послѣ первой съ нимъ встрѣчи небольшую привязанность; поручикъ грустилъ за свое настоящее, глубоко тронутый равнодушіемъ дѣвушки.

— А мы безъ васъ здѣсь очень скучали! рѣшился наконецъ сказать онъ... Право-съ... Я ни днемъ, ни ночью не оставлялъ лѣвой батареи, съ которой постоянно смотрѣлъ на степь, думая встрѣтить васъ...

Слова эти, сказанныя робкимъ и дрожавшимъ голосомъ; вызвали дѣвушку изъ задумчивости, и отозвались въ душѣ ея давно знакомымъ и пріятнымъ отголоскомъ. Варинька была тронута печалью молодаго человѣка, которая отражалась теперь во всѣхъ чертахъ его блѣднаго лица...

— Скучали? сказала она, отвѣчая обательною улыбкою на робкій взглядъ молодаго офицера... О чемъ вы скучали?

— Ахъ, Варвара Николаевна... какъ-
будто вы не знаете... что безъ васъ
такъ невесело здѣсь... къ тому-же не-
извѣстность вашего положенія, этотъ опас-
ный путь...

— Но теперь я, благодаря Бога,
уже внѣ опасности, а вы вотъ еще все
не веселы, Петръ Владиміровичъ...

— Кто... я-съ?.. Я такъ, Варвара
Николаевна! съ глубокимъ вздохомъ ска-
залъ поручикъ.

— Какъ же это *такъ*?.. Вѣрно мое
возвращеніе немного радуетъ васъ...

Полстоваловъ горько улыбнулся и съ
безотчетнымъ чувствомъ взялся за свою
шляпу.

— Богъ съ вами, Варвара Нико-
лаевна, сказалъ онъ... вижу, вы мнѣ не
вѣрите... вы меня не любите-съ... Пойду,
добавилъ онъ... теперь такое время, что,
для меня настанетъ скорый и славный
конецъ...

— Петръ Владиміровичъ... Что съ вами! вскричала Варинька, испуганная рѣшительнымъ видомъ поручика... Ради-Бога... остантись, Петръ Владиміровичъ!.. я вѣдь пошутила... А вы!... Ну, простите меня, если я васъ огорчила... не сердитесь... почти сквозь слезы добавила дѣвушка.

Молодой человѣкъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, маленькая шляпа его упала на полъ, — и не поднимая глазъ на Вариньку, поручикъ при всемъ разгарѣ своей чистой страсти скромно и осторожно поцѣловалъ руку дѣвушки.

— Варинька... Варинька! прошепталъ онъ... я не сердить на васъ... право не сердить!.. Но за что же вы меня мучите?..

Хорошо, хорошо... больше не буду!.. Помиримтесь... У! какой вы сердитый... Съ вами даже и пошутить нельзя... Ну-съ... извольте садиться... вотъ здѣсь, рядомъ

со мною... Чудесно... Теперь рассказывайте, что вы безъ меня дѣлали?

— Скучалъ... думалъ о васъ... дѣлалъ патроны... ну и... Да вы будете смѣяться, Варвара Николаевна...

— Нѣтъ, нѣтъ! Даю вамъ честное слово!.. Ну... дѣлали патроны... и?

— И писалъ стихи...

— Стихи?.. Ахъ, это мило... Покажите, покажите...

— Мнѣ совѣстно, Варвара Николаевна...

— Тс! Сейчасъ подайте ваши стихи! вскричала Варинька, хмуря брови и погрозивъ своимъ хорошенькимъ пальчикомъ.

— Что съ вами будешь дѣлать... извольте... Только, добавилъ поручикъ, — ужъ вы меня извините, а я ихъ самъ прочту. Съ этими словами молодой человекъ, вынувъ изъ жилета небольшой лоскутъ бумаги, тревожно и краснѣя

взглянулъ на свою собесѣдницу, и принялся за чтеніе:

„Въ минуту по сто разъ спрошу себя смущенно:“
О, гдѣ ты счастье премѣнно?..

— Тс! Пойдите! быстро произнесла Варинька, оставляя свое мѣсто и подбѣгая къ окну... Кажется, кто-то пріѣхалъ... Ахъ, если это онъ? Если это сила Львовичъ! сказала она съ неподдѣльною радостью...

— Никакъ не можетъ забыть его! прошепталъ въ отчаяніи поручикъ, судорожно сжавъ въ рукѣ исписанную бумажку и устремивъ на дверь взглядъ, полный выраженія непріязни и досады.

Вошелъ Недорѣзъ... И въ ту же минуту въ городъ раздался набатъ.

— Ну, что? спросили въ одинъ голосъ Полстоваловъ и Варинька.

— Дѣло худо, ваше благородіе! отвѣчалъ казакъ...

— Что!.. Онъ взять! вскричала дѣвушка.

— Взять, барышня...

— Дрянной человѣкъ, подумалъ поручикъ... не умѣлъ умереть, дался въ руки разбойниковъ...

— И вы не могли отстоять, защитить его! продолжала Варинька...

— Не могли... Потому-съ, что онъ всего-то съ двѣнадцатью человѣками погнался за партіею измѣнниковъ, которая шла отъ насъ науходъ, а мы, изволите видѣть, въ это время очищали подполье, изъ котораго троихъ молодцовъ везутъ сюда...

— Да ты про кого говоришь, спросилъ поручикъ... Кто взять?

— Вѣстимо кто, ваше благородіе... Нашъ старшина, Мостовщиковъ!

— Мостовщиковъ*! вскричалъ Петръ Владиміровичъ.

— А... не онъ! отозвалась Варинька.

— Да кто онъ-то, барышня? спросилъ Недорѣзъ...

— Молодой человѣкъ... со слугою... Тамъ оставался въ уметѣ...

— Не можемъ знать-съ... не вѣдаю! отвѣчалъ казакъ.

Въ это время встревоженный и разстроенный комендантъ вбѣжалъ въ комнату.

— Подлые измѣнники! вскричалъ онъ...

— Что такое, подполковникъ!.. спросилъ офицеръ...

— Что?! Ты не слышишь развѣ... Слышишь — бьютъ набатъ, и ни одинъ изъ этихъ богоотступниковъ горожанъ

* ...Мостовщиковъ въ семи верстахъ отъ крѣпости, разбитъ многочисленными толпами бунтовщика и взятъ въ плѣнъ. От. Зап. 1824 г. № 52 стр. 154.

не хочетъ исполнить своего долга *...
Разбойники уже разсыпались въ степи...
Картечью ихъ, звѣрей... Мои ребятушки
всѣ на валу... Петя! Маршъ въ дѣло...
Гдѣ моя сабля... Ахъ ты Господи, куда
это девался племянникъ!..

Поручикъ бросилъ прощальный и
нѣжный взглядъ на Вариньку, и вышелъ
изъ комнаты, за нимъ послѣдовали ка-
закъ и комендантъ.

Варинька, въ испугъ и тоску, отпра-
вилась къ тетушкѣ...

* „Въ крѣпости ударили въ набатъ, но изъ жи-
телей, по двукратномъ боѣ, никто въ оную не явился;
это значило, что они приняли сторону мятежниковъ,
и ретраншаментъ остался подъ защитою одной воинской
команды...“ Тамъ же, стр. 155.

VII.

Сила Львовичъ удивленъ находчивостію Марки. — Марка удивленъ смѣлостію Силы Львовича. — Худо слугѣ и барину. — Бѣда — если бы не Устинья!

Хуторъ казака Кузнецова, раскинутый въ степи, верстахъ въ шести отъ городка, имя котораго мы такъ часто упоминаемъ въ нашемъ разсказѣ, могъ назваться однимъ изъ богатыхъ хуторовъ въ окрестности. Наружный, простой видъ его не обѣщаль путнику, съ перваго взгляда, — барскихъ хоромъ со всѣми условіями степнаго комфорта, но тѣмъ не менѣе неизысканная его постройка и расположеніе щеголяли своимъ особеннымъ удобствомъ, которое свидѣтельствовало объ умѣньи хозяина жить домкомъ...

Главная жилая изба, бревенчатое зданіе, съ его зеленою крышею и бѣлыми ставнями, рѣзко отдѣлявшимися отъ сѣрой краски дома, далеко могла быть замѣченною, при выходѣ изъ лѣсу; тесовыя ворота, изукрашенныя рѣзными стрѣлами и кручеными завитушками, раскидывались почти у самаго всхода на холмъ, примыкая справа и слѣва къ бѣлымъ мазанкамъ, въ которыхъ помѣщались хозяйскіе амбары, овчарни, кладовыя и конюшни. Всѣ эти строенія занимали лицевую сторону холма, обращенную къ знакомой намъ рѣчкѣ; на другихъ скатахъ возвышенности тянулись огороды, теперь занесенные снѣгомъ и обрамленные двойнымъ частоколомъ.

Къ этому-то хутору подвигались наши несчастные странники — Марка и его баринъ. Снисходительные казаки, разбитые настигшею ихъ партіею въ уметѣ, были заняты разговоромъ о минувшемъ,

и дали своимъ плѣнникамъ полную свободу перемолвить между собою нѣсколь-
ко словъ:

— Ты, братецъ, великій осель! шепнулъ Сила Львовичъ своему слугѣ.

— Вотъ уже не знаю, сударь-баринъ, за что вы изволите браниться? отозвался Марка.

— За то, что не въ свои сани не садись и прежде барина не говори ни слова....

— А если, съ вашего позволенія, это слово помогу даетъ? спросилъ Марка, съ такимъ видомъ, который ясно объяснялъ Силѣ Львовичу, что въ его спутникѣ проснулись умъ и сноровка.

— Какую помогу? Вмѣсто того, чтобы избѣжать бѣды, ты накликалъ ее, назвавши меня лекаремъ.

— По чести, сударь, я распорядился какъ умный человѣкъ...

— Умный человѣкъ не лезетъ самъ

въ петлю... Не скажи ты имъ этой глупости, такъ мы бы теперь преспокойно ѣхали своею дорогой, а тутъ вотъ изволь ходить на сворѣ, да еще Богъ знаетъ, чѣмъ кончится эта отвратительная встрѣча! съ глубокимъ вздохомъ заключилъ баринъ.

— На все воля Божья, сударь!... Да вѣдь и плошать-то негодится, Сила Львовичъ... Ужъ не изволите ли вы думать, что эти сорванцы такъ бы подружески и растались съ нами, пожелавъ намъ счастливаго пути-дороги?.. Нѣтъ-съ, не того поля эта ягода... Скажи-ко имъ, что мы пробираемся въ городокъ, да назови вы, грѣхомъ, коменданта своимъ дядюшкою, — торчатъ бы намъ на осинѣ...

— На осинѣ! съ ужасомъ прѣшепталъ Сила Львовичъ... какъ это на осинѣ!... Но развѣ... ои смѣютъ?

— Не смѣютъ, батюшка баринъ... не смѣютъ... Да, вѣдь поди-же ты съ

ними ; говорятъ, что дѣлаютъ такіе скверные пассажи... Къ тому же, шепну вамъ по секрету...

— Ну, ну!.. Что еще?

— Что придраться къ намъ они имѣли полное право...

— Гдѣ же это право?

— Вы на немъ сидите верхомъ, батюшка баринъ...

— Что ты городишь...

— Истинну говорю... Лошадки-то подъ нами вѣдь казацкія, такъ сказать ихнее добро...

— Но мало ли такихъ коней въ здѣшнемъ краю?

— Правда, да только, — не извольте гнѣваться, — трудно не отличить своего отъ чужаго... Эти лошадки изъ одной партіи, если только не изъ одного табуна, добавилъ Марка, выразительно вытаращивъ глаза и приподнявъ брови.

— Какъ, такъ эти воры, которые

остановили насъ, тѣ самые казаки, что оставались въ уметѣ во-время нашего отъѣзда? спросилъ Сила Львовичъ.

— Они, батюшка баринъ... они разбойники... три четыре знакомыя рожи я тотчасъ узналъ между ними...

— Это ужасно!.. Этакое стеченіе обстоятельствъ!.. сказалъ взволнованный баронъ. Что-же мы будемъ дѣлать, Марка?... На что намъ рѣшиться? Что мы будемъ отвѣчать, если насъ спросятъ, какимъ случаемъ мы завладѣли этими негодными клячами?

Марка въ раздумьи пожалъ плечами и безпокойно оглянулся на конвоировавшихъ его казаковъ.

— Больше придумать нечего, сказалъ онъ, какъ... изволите видѣть... говорить-то я не мастеръ обстоятельно... такъ-сказать сочинить-бы какую ни-наестъ исторію...

— Да, какую же, какую? нетерпѣливо возразилъ баронъ...

— Ну... какую-нибудь... Вотъ хоть бы примѣрно... положимъ, ѣдемъ мы съ вами лѣсомъ, лошадки у насъ сытыя, бодрыя, рысца смѣлаго, шерсть лоскомъ блеститъ...

— Говори короче...

— Позвольте, сударь... вѣдь не могу же я по сказанному, какъ по писанному... я, такъ-сказать, говорю, а самъ все думаю...

— Ну, ну... ѣдимъ мы лѣсомъ, на сытыхъ лошадяхъ...

— Да, на сытыхъ... Вотъ-съ ѣдимъ и разговариваемъ.. вдругъ стой! говорятъ намъ...

— Хорошо, хорошо! Догадываюсь...

— Ага!... извоили догадаться... Поглядимъ, говорю я, передъ нами два казака; лошади подъ ними такъ запарены, что хоть подковы и уздечку выжми...

— Такъ, такъ! понимаю... Эти ка-
заки отняли нашихъ бодрыхъ лошадей
и ускакали, оставивъ намъ своихъ из-
моренныхъ.

— По истинѣ — такъ и было, су-
дарь...

— Хорошо... Но повѣрятъ ли этой
сказкѣ?

— Авось повѣрятъ! Съ этими словами
Марка, какъ-бы напалъ еще на новую
и удачную мысль... Лицо его сверкнуло
удовольствіемъ и хитрою улыбкою. Онъ
бережно вынулъ изъ-запазухи два сафьян-
ные баульчика и переложилъ ихъ въ то-
рока...

— А ужъ если эта штука удастся,
продолжалъ слуга, то намъ бояться не-
чего... Мы вѣдь имъ люди нужные...

— Однако мудреное ремесло ты вы-
бралъ, Марка, какъ-то мы съ нимъ спра-
вимся? сказалъ баронъ... Сказать по со-
вѣсти, изъ всѣхъ лекарственныхъ травъ

я только и слыхалъ объ одной ромашкѣ, да еще кое-что о ревенномъ корнѣ...

— Насчетъ корешковъ, сударь, вы не безпокойтесь... Вы только извольте у больныхъ смотрѣть языки, да щупать пульсы, а мнѣ на какомъ ни есть діалектѣ болтайте, что вздумается, какъ-будто приказали... я ужъ тотчасъ распоряжусь: кого потру деревяннымъ масломъ, кому дамъ хлебнуть зеленаго съ колганцомъ, или съ перечкомъ; повѣрьте, какъ рукой сниметъ, всякую лихорадку изъ тѣла вытрясу...

— Комедія!... смѣшная и слезная комедія! сказалъ Сила Львовичъ, ободренный нѣсколько простодушіемъ и находчивостію своего слуги... Все это такъ, продолжалъ баронъ: на первыхъ порахъ придумано не дурно... Но, любезный мой Марка, вѣдь наши паціенты могутъ любопытствовать о нашей аптекѣ, о нашихъ инструментахъ...

— О какихъ инструментахъ... за-
чѣмъ?...

— Однакоже, согласись, что стран-
ствующій докторъ долженъ имѣть хоть
шило, которымъ бы могъ отворить кровь...

— Правда, сударь, правда... Но вы
забываете, что насъ ограбили, и что вмѣ-
стѣ съ нашими лошадьми пропали и
аптека и инструменты, оставленные въ
торокахъ...

— Да у него просто ума палата!
подумалъ Сила Львовичъ, недовѣрчиво
взглянувъ на своего слугу и какъ-бы
спрашивая: тотъ-ли это Марка, который
всю жизнь былъ безъ просыпу глупъ?

Успокоенный смѣтливостію и хладно-
кровіемъ своего слуги, Сила Львовичъ,
неимѣвшій привычки долго заниматься
одною и тою же мыслию, хотя бы она
даже напоминала о его невыгодахъ и
опасностяхъ, обратился теперь къ сво-
имъ воспоминаніямъ о встрѣчѣ съ Ва-

ринькою и къ мечтѣ о ней... Между-
тѣмъ Марка, успокоивъ господина, не
оставался въ душѣ довольнымъ своимъ
настоящимъ. Его тревожила и пугала
мысль, при малѣйшемъ намекѣ на кото-
рую безпечный Сила Львовичъ снова бы
и надолго потерялъ свое спокойствіе.

— Отъ всѣхъ этихъ напастей, ду-
малъ Марка, мы еще кое-какъ отдѣ-
лаемся, а вотъ ужъ отъ иной-прочей
бѣды не уйти, не уѣхать!... Ну, какъ да
нелегкая принесетъ тѣхъ молодцовъ, ко-
торыхъ я заперъ въ подполье... Бѣда!
Будетъ намъ тогда докторство... Такую
шпанскую муху примажутъ къ горлу,
что ужъ другихъ-то лечить не придется!
Хорошо, если Недорѣзъ накрылъ ихъ...
Надо будетъ похитрѣе объ этомъ дѣлѣ
вывѣдать.

— Потихе, сударь, потихе! Вотъ и
ворота! громко сказалъ Марка... Видите,
какъ разгорячился вашъ конь... Этакъ

могутъ подумать, что мы отлытать отъ нихъ хотимъ! При этомъ слуга указалъ на казаковъ, которые въ то же время настигли своихъ плѣнниковъ и спѣшили у воротъ хутора... Сила Львовичъ при помощи Марки поспѣшилъ спрыгнуть съ сѣдла...

— Держи коней на готовѣ, не разсѣдывай ихъ, задай только корму! сказалъ старшина, обращаясь къ своимъ казакамъ.

— А нешто мы, батюшка Симонычъ, не раздохнемъ здѣсь? спросилъ одинъ изъ казаковъ.

— Какой тебѣ еще роздыхъ? сердито отозвался Толкачевъ... Не слышишь развѣ, что въ городѣ ударили въ набатъ? Стало-быть, наши всѣ уже на горкахъ; надо поспѣшать и намъ... вотъ только выждемъ раненыхъ, перемолвлю съ хозяиномъ слова два, да и въ дорогу... Да продолжалъ онъ, взглянувъ на безмолв-

ныхъ плѣнниковъ, ожидавшихъ своей участи... Ну-ка, сердобольные странники, сказалъ онъ : такъ откуда и куда изволите вы пробираться?

— Я ужъ доложилъ твоей шилости, съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ Марка откуда мы ѣдемъ, а куда, того и сами не можемъ знать...

— Ой-ли! Такъ вотъ и думаешь, что я тебѣ на слово повѣрилъ, соколъ залетный... Нѣтъ братъ, меня не проведешь! Знаешь старую присказку : „повинную голову и мечъ не сѣчетъ“... Ну, валяй въ ноги, да и кайся...

— Радъ бы, кормилецъ, каяться, отозвался Марка : да право-слово, противъ тебя ни на душѣ, ни на совѣсти грѣха не имѣю...

— Да и какая намъ надобность давать тебѣ отчетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ?.. Ты искалъ нашей помощи, а мы не напращивались на твою бесѣду! запальчиво

возразилъ Сила Львовичъ , выведенный изъ терпѣнія его наглостію и властительнымъ тономъ.

— Какая надобность ! вскричалъ Толкачевъ, побагровѣвъ отъ досады .. Ахъ ты *ососокъ* недокормленный.. Да знаешь-ли, что я тебя развѣшу на этихъ воротахъ!..

Марка , пронизанный ужасомъ отъ самага темя до закоблучьевъ , невольно отшатнулся назадъ, бросивъ умоляющій взглядъ на господина. Но Сила Львовичъ, непривыкшій сносить обиды, совершенно забылъ свое опасное и беззащитное положеніе.

— Что-жъ, если ты въ-самомъ-дѣлѣ разбойникъ , то убить меня легко можешь ! сказалъ онъ... Я одинъ — и безоруженъ... Шайка твоя пьяна и вѣроятно не труситъ, когда не видитъ направленаго въ лобъ дула...

Послышался ропотъ въ толпѣ оби-

женныхъ казаковъ, и Сила Львовичъ уже стоялъ въ самомъ тѣсномъ кружкѣ бородатыхъ наѣздниковъ.

— Посторонись, товарищи! сказалъ старшина... Приготовь уздечку, я изъ своихъ рукъ подарю его петлей...

— Батюшка! Отецъ родной! взмилуйся! вскричалъ Марка, бросившись въ ноги Толкачеву.

— Эге! рано братъ взмолился, равнодушно замѣтилъ послѣдній, пробуя крѣпость поданнаго ремня... обожди, добавилъ онъ, дойдетъ и до тебя чередъ... Ну! принимай ребята!

Но едва только казаки съ воплемъ бросились на своихъ плѣнниковъ, какъ первый изъ нихъ, ошеломленный здоровымъ кулакомъ Марки полетѣлъ на землю; въ ту же минуту, не потерявшійся Сила Львовичъ успѣлъ завладѣть саблею упавшаго и бросился къ мазанкѣ, принявъ оборонительную и грозную позу.

— Не сдамся! сказалъ онъ.

— Да ужъ именно — не сдадимся, лучше пусти живьемъ! Не тронь... каять-ся будешь! подхватилъ Марка, вооруженный дубиною, которую выдернулъ изъ частокола.

— А если мы вамъ посадимъ въ лобъ по пятку добрыхъ пуль! сказалъ старшина, гнѣвъ котораго перешелъ въ удивленіе при неожиданной храбрости странствующаго доктора... Сдайся лучше!... Можетъ-быть только поколочу, да и помилую! добавилъ Толкачевъ.

— Убей, не сдамся! отозвался Сила Львовичъ.

— Ребята, на прицѣль ихъ! командовалъ старшина, отходя въ сторону и давая дорогу казакамъ, которые въ ту же минуту выхватили винтовки изъ чехловъ.

Въ это время единственнымъ свидѣтелемъ всего происходившаго подъ го-

рою оставалась Устинья. Дѣвушка, за-
видѣвъ подѣзжающую къ хутору толпу
всадниковъ, опустила на землю ведра
и остановилась на порогѣ избы. Скоро
въ передовыхъ всадникахъ она узнала
Марку и его добраго господина, оста-
вившаго ей на память такой драгоцѣн-
ный подарокъ. Хорошо зная, какимъ
опасностямъ и встрѣчамъ могли подвер-
гаться въ то время беззащитные пут-
ники, Устинья тотчасъ же поняла, что
знахарь, такъ скоро угадавшій тайну ея
сердца, и баринъ знахаря наѣхали на
шайку пугачевскихъ. Последняя догадка
для нея подтвердилась, когда въ толпѣ
казаковъ она узнала старшину Толка-
чева, пребывавшаго у отца ея на ху-
торѣ нѣсколько дней въ минувшую осень,
съ какимъ-то другимъ пожилымъ каза-
комъ. Теперь для Устиньи не было ни-
какого сомнѣнія, что этотъ пожилой че-
ловѣкъ былъ Пугачевъ, и другой стар-

шина, гость, на котораго ей намекнулъ знахарь Марка... Сообразивъ слова знахаря, дѣвушка съ какимъ-то тайнымъ и тяжелымъ предчувствіемъ обратилась къ прошедшему.. Она вспомнила страстные взгляды пожилаго казака, его грубую ласку и рѣзкія прибаутки, которыми выражался съ перваго взгляда опостылѣвшій ей гость...

— Мать Царица-Небесная! Что если все это правда?... Что если все это сбудется! въ неизъяснимомъ отчаяніи прошептала дѣвушка, забывая свои ведра, и готовая броситься въ избу, чтобы забиться въ уголъ и поплакать отъ души, отъ избытка неисходнаго горя, — какъ въ это мгновеніе у воротъ раздались шумъ и крикъ...

— Ай! Боже мой... Они убьютъ ихъ! вскричала Устинья... И съ воплемъ: Душегубцы! Злодѣи! Изверги, что вы дѣлаете? дѣвушка въ нѣсколько отчаян-

ныхъ скачковъ достигла воротъ и бросилась въ между казаками и плѣнниками.

— Устинья! Устюша! радостно прошепталъ догадливый Марка, предвидя въ дочери Кузнецова вѣрнаго избавителя.

— Устинья Петровна?! повторилъ оторопѣвшій старшина... Почетъ и благоденствіе дому твоему! сказалъ онъ, почтительно снявъ шапку передъ дочерью Кузнецова.

— Хороши почетъ и благоденствіе! сердито отозвалась дѣвушка, отвѣчая на слова старшины и вполнѣ понимая изъ униженнаго тона Толкачева все настоящее свое вліяніе на повѣреннаго Емельки... Хорошъ почетъ... ѣдешь къ намъ въ домъ искать пріюта, да отвѣдать нашей хлѣба-соли, а самъ накликаешь бѣду на наши головы...

— Бѣду! Какую бѣду? тревожно спросилъ Толкачевъ.

— Да какъ же, развѣ ты не знаешь,

что связался съ такимъ знахаремъ... съ такимъ, что и... ужасъ! въ полголоса сказала Устинья, указавъ на Марку. При этой неожиданной новости, суевѣрный старшина едва снова не схватился за шапку, чтобы отвѣсить поклонъ тому, котораго за минуту готовъ былъ повѣсить.

— Ага! сказалъ Марка, не проронившій ни одного слова изъ разговора старшины и Устиньи... А ты думалъ какъ! продолжалъ онъ... Покаялся бы послѣ, да ужъ было бы поздно. Вонъ посмотри, что у этого молодца, которому я раскололъ переносье, черезъ недѣлю рогъ съ добрый стволъ винтовки выростетъ!

— А что думаешь, со страхомъ замѣтилъ разбитый казакъ, толкнувъ подъ бокъ своего товарища: вѣдь, братъ, какъ онъ меня свиснулъ, такъ право — точно

огнемъ всего опалило ; будто нагайка вдоль лба проѣхала...

И въ то время, какъ казаки, пораженные неожиданною вѣстью, перешептываясь, снова попрятали въ чахлы свои винтовки, старшина, подозрительно взглянувъ на Марку, опять обратился къ дѣвущкѣ.

— Прости, матушка, Устинья Петровна, коли я въ чемъ передъ тобою повиненъ? сказалъ онъ... Я только хотѣлъ наказать, такъ-сказать, допросить...

— Наказать ! Допросить !... Ну, такъ и спроси — что надо, вскричалъ Марка, а не лайся!... Ну, спрашивай, вотъ я весь тутъ ..

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, сказалъ старшина, что ты и твой дохторъ — оба вы были съ городскими казаками въ уметѣ *Стараго-Маяклая*, гдѣ нашихъ накрыли яикскіе...

— Эво-куда метнулъ!... Да ты вотъ спроси ея милость, возразилъ Марка... куда мы спрашивали дорогу и отколь ѣхали?... Ёхали по рѣчкѣ, а спрашивали, какъ миновать городъ... Такъ-ли дѣвица-красавица?...

— Такъ, такъ! сказала Устинья.

— Ну, понялъ, разумный ты человекъ... Коли мы ёхали не отъ умета, да спрашивали о городѣ, такъ, стало-быть, въ немъ мы никого и не знаемъ...

— Толкуй, толкуй! А какъ попали къ вамъ лошади нашихъ молодцовъ, которые ночевали сегодня въ уметѣ... Ну-ка, отворижи эту бѣду!

— Не для-чего ворожить... Коли поворожу, такъ сороку высватаешь своему *набольшому*, а не дѣвицу, марьяжъ писанный! лукаво подмигнувъ, сказалъ Марка.

Толкачевъ вздрогнулъ и остановилъ изумленные глаза на мнимомъ знахарѣ.

— Однако... однако говори... какъ лошади-то... того! заикаясь, сказалъ онъ.

— Вотъ это вопросъ, а на него и отвѣтъ тебѣ... Одры ваши намъ достались неожиданно-негаданно... а просто-запросто сами пришли...

— Сами! съ громкимъ смѣхомъ вскричалъ старшина.

— Ну, да, сами! Чего зубы-то скалишь... Просто... вотъ такихъ же ва-тага сорванцовъ, какъ и вы, нагнали насъ у рѣчки, передъ разсвѣтомъ... Лошади подъ ними были взмылены, а наши хоть еще на край свѣта пошли — въ скачь... Обступили насъ... Перемѣни коней, да и полно! Ну, что-жъ было дѣлать? не драться же изъ-за лошадиной шкуры... и перемѣнялись конями...

— А что думаешь? И впрямъ! И въ-самомъ-дѣлѣ! слышалось въ толпѣ казаковъ. Бываетъ! Вѣдь всяко случается въ походное время!

— Да что лошади! Лошадей не жаль: подхватилъ Сила Львовичъ.

— Въстимо не жаль, батюшка баринъ, перебилъ Марка, а жаль того, что разбойники увезли наши корешки, травки, мази, тряпочки, бутылки... ну и все... словомъ и шило увезли...

— То-есть, поспѣшилъ поправиться Сила Львовичъ, и ланцеты увезли... Теперь, нѣтъ средствъ лечить вашихъ раненныхъ...

— Да мы еще и не хотимъ лечить за обиду... Нашлось бы чѣмъ, да не хотимъ! сказалъ Марка.

— Нѣтъ! нѣтъ! крикнули казаки, поснимавъ шапки. Мы васъ не пустимъ, братцы... Ужъ не взыщите на облыжной обидѣ, помогите товарищамъ!

— Да, да! ласково замѣтилъ старшина, видя общее вѣрованіе въ правоту встрѣчныхъ странниковъ. Ужъ не взы-

щите, сказалъ онъ... Помогите нашимъ...
Наградимъ и словомъ, и деньгами.

Къ общей просьбѣ была присоеди-
нена просьба и Устиньи. Дѣлать было
нечего; не зная, когда кончатся тяжкія
испытанія, наши странники должны были
уступить общему желанію.

Сила Львовичъ отправился вмѣстѣ съ
Устиньею и Толкачевымъ къ старику
Кузнецову, а Марка, осторожно выбравъ
изъ торокъ свои сокровища, вмѣстѣ съ
прочими казаками вошелъ въ общую избу.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Savinov, Vasilij Ivanovič

Znachari Istor. roman v 2-ch častjach

Bd.: 1

S. Peterburg 1854

P.o.russ. 88 e-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610173-1